

Э Л Л А Ч А К

ТЁМНЫЙ ДЕНЬ

ПСИХ, ГЕРОЙ, УБИЙЦА, ЖЕРТВА
ДОВЕДУТ ТЕБЯ ДО СМЕРТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элла Чак

Тёмный день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70371208

SelfPub; 2024

Аннотация

Тот самый день... Тёмный мост... Тёмный день... Тёма и Дэн. По неизвестной причине Артемида теряет сознание и видит, то, чего никогда не происходило: незнакомых людей и ситуации, иной раз страшные. Иной раз... с трагичным исходом. Видения помогают избежать будущих неприятностей, а те не заставляют себя ждать: девушка то ввязывается в ограбление, то пытается спастись от банды, то оказывается в усадьбе, похороненной под землей. В видениях всего один минус. Чем дольше Артемида пребывает по ту сторону реальности, тем больше она забывает случившегося с ней вчера. Смываются дни, недели, месяцы... и даже годы. Что-то очень важное произошло в ее прошлом. Погиб человек. В случившемся виновен райдер ВМХ Денис. Прежде мажор, а сейчас бомж. Но при чем здесь незнакомая девушка? И почему их общее прошлое перечёркивает будущее, когда между парой появляются чувства? Чтобы вспомнить правду, придется забыть любовь. Но станет ли истина спасением или обернется могилой в самый тёмный день года?

Содержание

Глава первая. Выстрел Дробью и восемь секунд в забытыи	4
Глава вторая. Максимальные не близняшки	25
Глава третья. Пчеловод для Пчёлкиной	38
Глава четвертая. Принц заброшки	49
Глава пятая. Груша от яблони падает на участок соседа	77
Глава шестая. Лет'	91
Глава седьмая. Жар трех сотен морозилок	127
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Элла Чак

Тёмный день

Глава первая. Выстрел Дробью и восемь секунд в забытьи

– Нужно было раньше выезжать! – сердилась Даша на зашпанную подругу, – Теперь опоздаем! – ныла она, все лето мечтавшая увидеть райдеров на спортивных байках с первых зрительских рядов. И больше прочих она ждала встречи с Дэном по прозвищу Дробь.

Когда-то, еще до истории с аварией, исчезновением невесты и чьей-то смертью, о которой так и не проинформировало ни одно СМИ – кого же убил Дэн Дробь – этому парню из зажиточной буржуазной семьи принадлежал целый город, весь мир, сердца тысяч девушек.

Когда-то его пронзительные стальные глаза отражали цвет рамы байка ВМХ. И словно Зевс, Дэн взлетал в облака, посылая молнии в своих соперников. Одним своим взглядом он приковывал новичков, решивших бросить ему вызов к рампам спортивных байков.

Поворот его головы, легкий прищур, уголок губ, вздерну-

тый к ямочке, что была лишь с одной стороны его лица прямо в центре левой щеки (будто бы яблочко внутри кругов из тира, куда нацеливались губы девушек), и фанатки закидывали Дэна лифчиками с номерами телефонов и отпечатком губной помады.

Закидывала его и Даша. И лифчиками, и трусиками, и чулками, и поясом из интим шопа. Она не жалела денег, выброшенных вместе с «расшвыранным» бельем несмотря на то, что финансов в семье в обрез. Приходилось подрабатывать и помогать матери, застрявшей в кредитах.

Мать Даши находилась в двух состояниях: она или пила, или искала работу. А потом пила, когда ее увольняли за очередное пьянство с каждой следующей работы. Под залогом в банке уже числилась квартира, и Даша боялась, что они с мамой останутся на улице, поэтому после школы она не пошла учиться дальше, а устроилась официанткой и на половину ставки консультантом в отдел с женской одеждой, где то и дело выявляли «недостачу» трусиков и чулок.

Притормозив возле палатки с мороженым, Даша поправила прическу из красных дред, которые сегодня она собрала в высокий пучок. Жара стояла невероятная. Середина августа. Школота возвращалась с каникул, и город плавился под солнцем, умываясь брызгами из фонтанов. Рассматривая свое отражение в эмалированной крышке, под которым лежали штабеля эскимо, Даша спросила подругу:

– Тём, я что, уродка?

– А? – рассеянно переспросила её подруга, изнывающая от жары и беготни в плюс тридцать по всему парку.

Тёма только что закончила пить залпом вторую за сегодня бутылку с водой. Нижние зубы свело судорогой, и прислонив опустевшую, но все еще прохладную бутылку ко лбу, она закатила глаза:

– Могу посоветовать хорошего психотерапевта если у тебя аутометаморфопсия.

– Чего?

– Это когда неадекватно воспринимаешь свое тело.

– Ты что, много психологов знаешь?

Много или нет, но одного она знала. Уже год Тёма пыталась разобраться в причине своих состояний, но врачи не могли ей помочь. И только один Максим Котов не отказался от сложной (и странной) пациентки.

Даша пропустила слова о психотерапевте продолжая ныть, как все восемнадцатилетние девушки, если на них не обращал внимания выбранный ими парень.

– Тебе хорошо, Тёмка, ты высокая и стройная. И на шпагат сесть можешь.

– Уверена?

– У тебя нет прыщей, а вместо этого кожа цвета загара, хотя ты ненавидишь солнце, – покосилась она на подругу, прикрывшую голову бейсболкой, а серые глаза темными очками.

Торопясь и маневрируя в толпе, Даша не унималась:

– Тебе бы повеселее быть, улыбнуться что ли.

Тёма резко остановилась, и Дашу чуть не врезалась той в спину.

– Не могу... сама знаешь. Я пробую, но не могу растянуть губы вверх.

Она перестала улыбаться год назад. В тот день ее родители объявили о разводе, сообщив, что Тёма и ее сестра теперь будут жить отдельно. Лона останется с мамой, а Тёма переедет к отцу. В тот день Тёма впервые испытала то, что стало причиной ее лечения в Психиатрическом центре, и если у больных депрессией, анорексией или панической атакой существовали диагнозы, то выяснить, что происходит с Тёмой – никто не мог.

Она была больна, но и абсолютно здорова.

Психотерапевт Котов тоже не мог похвастаться особыми успехами, но он хотя бы пытался, испытывая романтические чувства к сестре Тёмы.

– Знаю, – взяла Даша подругу за локоть. – Ты говорила, что у тебя... тёмное прошлое, – рассмеялась Даша, – но поверь! Твое – цветочки, по сравнению с прошлым, которое пережил Дэн Дробь!

Ну какое тёмное прошлое может быть у девушки в восемнадцать? Оно могло быть только у одного известного Даше человека, у того самого, в кого она была безответно влюблена. У того самого, кто выступал сегодня на ВМХ. У Дениса

Дробникова, известного в городе мажора, сына Строительной королевы Анны Дробниковой.

– Кто? – толком не расслышала Тёма фамилию спортсмена.

Она никогда раньше не видела ни Пулю, ни Дробь, и на соревнования пошла только ради подруги, зная, что у той туго с деньгами, Тёма купила им билеты сама. Она представляла парня со спортивным великом – борзого мажора, наглого, бестактного, эгоиста и лицемера – ими в порядке вещей вырастали все отпрыски великих семейств, которые на совершеннолетие могли подарить своему чаду не машину, а стра-ну.

– Дэн Дробь, я веду его фан группу. Подпишись!

– Я ни от кого не фанатею.

– Просто ты его видела. Боже! А как он изменился за последний год. Какое у него тело, губы, глаза! Но он не просто красавчик, – продемонстрировала Даша фотографию парня на своем телефоне, – у него на самом деле произошло... что-то жуткое в том году.

– Жуткое? И что? Перепутал Мальдивы и Курилы?

Даша приблизилась к уху подруги, но так как они практически бежали, тихо произнести задуманное у нее не получилось:

– Он убил человека!

Ожидая, что Тёма снова встанет как вкопанная, Даша заранее обвила ее рукой вокруг локтя, продолжая тянуть. Не

хватало еще пропустить заезд Дробникова.

– Что? Он... убил?

– Это не точно, но ходят такие сплетни. Как видишь, он не в тюрьме.

– С его деньгами можно купить, что угодно, – сморщила Тёма брови. – И ты втрескалась в убийцу?!

– Прекрати его так называть. Если не в тюрьме, значит не виновен.

– Если кто-то умер из-за него, это должно быть в новостях, в газетах? Как это было?

Даше было за счастье поболтать о Дэне, и она начала сразу с главного:

– Это случилось в день его помолвки. У него была девушка и мы в группе были в шоке, что он решил жениться. Просто траур... но что-то случилось в тот день. Денис попал в аварию. Впал в кому. А когда пришёл в себя, они с невестой расстались. В газетах эту статью назвали Тёмный День, потому что авария, в которую он попал случалась на мосту, который называется Тёмный.

– А кто же погиб?

– Об этом не писали. Кто-то или в машине с ним, или он сбил кого-то. Суда не было, обвинения тоже. И вот тут, – посмотрела она на подругу, – наверняка замешаны деньги его матери. Она владеет каждой второй стройкой в городе. Строительная королева. Имя погибшего осталось для всех тайной.

– Сплетни это все, – отмахнулась Тёма. – Никого он не убивал, раз не была суда и обвинения. Если бы сбил парня на том мосту, точно бы обвинили в смерти по неосторожности.

Даша не согласилась с доводом:

– А как ты объяснишь побег Дэна?

– Откуда?

– Из дома! Он бросил все! Коттедж, квартиру в Москва-Сити, яхты и спортивные тачки. У него только старый джип и мотоцикл. А его мать предлагает за информацию о его месте жительства лям! Прикинь!?

– Как сложно найти парня, который вон! Прямо тут выступает!

– Найти не сложно, сложно догнать. После соревнований, он снова скроется. Знаешь сколько стоит его автограф в моей фан группе? Сто тысяч! А знаешь, сколько предложения его продать? Ноль! – схватила Даша за голову. – Дэн никогда не раздает автографы. Он все время... бежит куда-то.

– Значит, у него СДВГ. Нервно-психическое расстройство с гиперактивностью и импульсивностью.

Она вздохнула:

– Все мы немного психи.

– Олежки ломаются, – озиралась Даша.

– Что сломал Олежка? – не расслышала Тёма, стараясь не упустить ориентир – высоченный пучок красных дредов подруги, мелькающий алым маяком в потоке оголтелых посетителей броуновского движения. – Что за Вэ-эМ-Ха такие?

– Не Олежка, а «Олежки»! В Измайловском парке так Оленьи пруды называют, – ускорила Даша подругу, подтягивая к себе рукой, – держись рядом! Не потеряйся! Я обещала твоему папе, что буду за тобой приглядывать!

Тёма впиалась пальцами в разноцветные браслеты-фенички Даши, как в спасательный веревочный круг, боясь потонуть среди разгоряченных тел, кричалок, ароматов пиццы и хот догов, но чаще, все-таки, пота и липких спин, в которые она то и дело врезалась.

В людных местах у Тёмы учащалось сердцебиение, мгновенно мокли ладошки, в ушах гремела сирена. В добавок к музыкальным колонкам, громкоговорителю, диджеям в ухо Тёме орала теперь еще и Дашка, объясняя, что тут происходит:

– Смотри не ляпни тут! Вэ-эМ-Ха, это Бэ-эМ-Иксы! Вон, – ткнула Даша в экраны, на которых велась трансляция. Обзоры площадки чередовались то с камер операторов, расположенных по периметру, то с камер, находящихся ну реле ВМХ спортсменов. – Это райдеры! Дэн Дробь самый сильный из всех. Он ничего не боится! Такое вытворяет! Сегодня райдеры соревнуются за квартальный кубок. Победитель отправится на финал России в Ярославль. Здесь, в Олежках, пять трамплинов для дёрти джампинга, пара кочек с приземлением на склон, их добавили специально для соревнований. Четырехметровый волрайд! Это вон тот вертикальный забор! – схватилась Даша за щеки, оттягивая их вместе

с веками до шеи.

Подняв запястье, Тёма вытерла со лба испарину обмотанной на манер браслета черной банданой. Высокая петля каштановых пряжей упала на лоб, став похожей на влажную челку.

Мимо Тёмы пробежала пара девочек лет тринадцати, сжимая в руках палочки с огромной сахарной ватой.

Перед глазами Тёмы продолжили прыгать розовые блики, звон в ушах усилился.

– Жарко... – обмахивалась Тёма доской своего лонгборда, – нечем дышать... Дашка... тут всегда так жарко?

– Тут лето, Тём. Август, чего ты хочешь?

– Пить хочу, уйти хочу, и в тишину хочу... Мне здесь не нравится, – затянула Тёма зубами концы черной банданы на запястье, с которой никогда не расставалась.

– С ума сошла?! Тёмка, умоляю! Ты же сама просила отца отпустить нас! Мы пол-Москвы проехали, чтобы увидеть Дробь! Ты только посмотри! – натянув футболку, Даша хвасталась аппликацией.

Тёма закатила глаза, которые и без того были готовы закатиться с минуты на минуты.

Ткань футболки была завязана узлом, и Тёма не сразу смогла понять, что на ней изображено. Даша быстро развязала узел. С белой мятой ткани на Тёму уставилось лицо – такое же мятое. Тёма сразу считала по его синякам под глазами, что у Дэна проблемы со сном. А проблемы со сном

бывают только у тех, чей разум мечется, кто не может найти успокоения ни в реальности, ни в забвении.

Ни днем, ни в темноте мрака. Кому ни под солнцем нет места, ни в ночной тени. Кому хочется молчать и орать одновременно. Кому слезы заменили смех, а улыбка превратилась в карнавальную маску притворства лжи, лицемерия, лести и тайны.

Считав близкую ей энергию метаний между явью и сном, Тёма присмотрелась к мятому парню внимательней.

В тот момент, когда она увидела глаза парня, время для Тёмы замерло: звуки отодвинулись на задний план, реальность превратилась в слоумоушен, серые глаза окутали ее с ног до головы. Стало холодно. Тёма услышала всплеск воды, блики сахарной розовой ваты и чёрную бандану в мелкой водной ряби.

– Тёмка! Ау! – тряхнула Даша подругу за плечи, – ты тут!

Часто заморгав, видение Тёмы исчезло. Она продолжила смотреть на Дэна, не позволив Даше снова завязать лицо в узел.

– Подожди!

Синие тучи под веками Дэна контрастировали с загорелой обветренной кожей и влажными чуть вьющимися волосами. Сухими, она наверняка были бы светлыми. Когда на портрет парня смотрела подруга, она видела крепкое спортивное тело. Молодое, но уже мужское, познавшее тяжесть штанг и гантелей спорта, ни раз потевшее в зале и в спальне.

От этой мысли щеки Тёмы вспыхнули.

Всю сознательную жизнь Тёмы старалась держаться подалеже от подобных красавчиков – уверенных, статусных и звездных. Она называла их звезданутыми, а вот ее сестра близняшка Лона, не упускала возможности пофлиртовать с каждым встречным-поперечным и не важно, звезда он: класса, школы, ее волейбольной секции. На отдыхе в летнем лагере, на экскурсии – везде она замутит мимолетный роман с вожатым, гидом, тренером, барменом или аниматором.

Лона с легкостью отбивала парней у любой своей подружки, поэтому их у нее и не было. Каждого второго парня она пыталась познакомить с сестрой, но Тёма отнекивалась. Ей не нужны были тестостероново-эстрагенные отношения на одну неделю свиданий с быстрым неумелым сексом на заднем сидении машины или на раскладном диване пока предки не вернулись с работы.

После развода собственных родителей, когда Лона переехала жить к матери, а Тёма осталась с отцом, она совсем замкнулась. Сразу после первого обморока.

То, что раньше называли бы утомлением и томностью, врачи вот-вот перекавалифицируют в депрессию, а то и в шизофрению (расскажи им Тёма про голоса). И, видите ли, все из-за того, что Тёма перестала улыбаться. Плюс добавились обмороки, которые всегда происходили на улице, но причину им установить не получалось.

Почему Тёма теряет сознание? Почему она видит и слы-

шит, то, чего никогда с ней не происходило?

После обмороков Тёма забывала недавно случившиеся события. Их словно стирало ластиком со строк – ее извилин мозга. И чем дольше Тёма оставалась без чувств, тем больше она забывала.

После первого обморока Тёма забыла дня три или четыре, случившиеся перед ее падением. Она проспала около часа, а когда очнулась в больничной палате не смогла вспомнить даже их с Лоной день рождения в парке аттракционов.

Чтобы случайные прохожие знали, как поступить, если на их глазах девушка, вдруг, упадет посреди улицы, Тёма носила фиолетовый браслет с названием клиники и телефоном. Надпись гласила: «если я упаду, позвоните по этому номеру телефона».

Браслет придумал Максим Котов – лечащий врач Тёмы в центре Психиатрической помощи. Это был номер клиники, где он работал, а контракт на лечение девушки оплачивал фонд, курирующийся меценатами города. Если Тёма теряла сознание в городе и была одна (а такое происходило уже семь раз за минувший год) брендерированные фиолетовой эмблемой скорые привозили ее в центр, ведь лечения для ее состояния не существовало.

Только домыслы.

Но даже к предрассудкам с вариантами диагнозов, заключенных в карту Артемиды Пчёлкиной, Максим Котов ревностно никого не подпускал. Он пользовался служебным по-

ложением, нажив себе не мало завистников и врагов. К другим пациентам относился без лишних эмоций, но только не к Тёме.

И на то у него был свой домысел, своя беспросветная тьма, мучавшая его с момента их первой встречи.

Оглядевшись по сторонам, Даша сунула подруге бутылку с водой, чтобы та попила и влажные салфетки – протереть вспотевший лоб.

– Ну, что? Понравился? – заметила Даша интерес подруги к парню на ее футболке. – Говорб тебе, от него все балдеют!

– Нет, – нахмурилась Тёма, – просто он... чем-то похож на меня.

– И чем же это?

– Тьмой, – ответила она.

Даша расхохоталась:

– Ты Тёма, значит тёмная! А он Дэн, значит день!

– Тёмный день... – побежали мурашки по спине девушки, – в филологии называется плеоназм... Противоречие, которых не бывает.

– Кому оргазмы, кому плеоназмы... Найди уже парня. Сама говоришь, сестра тебе все время сватает кого-то. Она, кстати, как? Все еще флиртует с твоим врачом?

– С Максимом? Кажется, да.

– И правильно делает!

– Он мой врач, вообще-то.

– Симпотный?

– Ну так, – пожалала Тёма плечами, – ничего.

– Старый?

– Ему двадцать пять.

– То, что надо! Бери пример с Лоны, – обняла она подругу, – у меня тоже новый парень! Никогда не догадаешься, кто! Может, я даже скоро денежкой разживусь, – задумалась она, скорее поворачиваясь к видео экрану, – пора! Дэн готовится к старту!

Тёма вздрогнула, когда из динамиков парка раздалось объявление о начале заезда, и толпа отлипая от палаток с напитками, едой и сувенирами устремилась в воронку входа.

– Иди одна, – сдавила Тёма ладонь подруги, – я не полезу в толпу. Здесь тебя подожду

– Уверена?

– Да, – заметила она кусты жасмина. – Я буду в тени...

– Вон там экран, – кивнула Даша, – ты все увидишь! Вот, оставлю тебе свою лонг борд. Сиди на них, как на лавке прямо тут между поливалок, охлаждайся!

Тёма устроилась на газоне, выбрав максимально тенистое место под кустами жасмина. Она наскоро сплела небольшой венок из опавших веток и листьев, чтобы дополнительно прикрыть голову от палящего солнца, рвущего заплатками тень.

Ведущий объявил номер триста сорок три и райдера по

прозвищу Дробь.

Щуря глаз под выставленной козырьком ладошкой, Тёма выхватила изображение ярких ромбиков видеозэкрана. К заезду готовился парень с желтым великом, который тут, среди профессионалов, следовало называть Бэ-эм-Икс.

У остальных райдеров на локтях и коленях была защита, на головах шлемы, а у этого совсем ничего. Измазанные землей джинсы с дырявыми коленками, черная футболка с полусорванной горловиной и подкатанными жгутом рукавами. Волосы у него были еще более светлыми, чем на фото, и на затылке они завивались. Выглядел он как породистый пес, оказавшийся на улице.

Выгнали или сам сбежал?

На внешней стороне кисти у Дэна была набита татуировка с грустным смайликом. Когда он закрывал рукой рот, пряча его между указательным и большим пальцем, смайлик занимал всю нижнюю часть его лица.

По спине Тёмы пробежала струйка пота и пробил озноб.

– Грустный смайлик... – выдохнула она, обмахиваясь руками, хотя толку от чего не было никакого. Над головой Тёмы запрыгали розовые блики сахарной ваты – предвестники обморока. – Опять... Какого черта... – уставилась Тёма в небо, ели сдерживая приступ тошноты.

– Опять? Какого черта?! – отмахнулся Дэн от протянутого ему шлема для защиты головы и шеи.

Шлем в руке его приятеля перегородил обзор на небо, куда Дэн смотрел каждый раз перед заездом. Где еще искать ответы, как не там?

– Дэн, – опустил Сергей руку, державшую шлем, – у тебя сколько сотрясений?

– Десять.

– В этом году? А про кому забыл? Твой череп ели собрали. Одно косячное падение и...

– ...и я отправляюсь следом за парнем, которого убил.

Глаза Дениса блеснули острием стального ножа. Он с наслаждением смотрела на Сергея, прячущего взгляд. Так делали все. Никто не хотел контактировать с убийцей, особенно когда Дэн сам себя так называл.

– Ты не знаешь, кто умер, – выдавливал из себя Сергей заученные реплики. – Тебя не обвинили даже.

– Потому что откупили, – равнодушно дернул плечом Дэн. – Забыл, кто моя мать? Надавала взятку семье жертвы или судье, вот я и вышел.

– Вышел ты только из комы.

Денис знал только одно, когда он вышел из комы, на языке крутились слова: «белый медведь». Он продолжал произносить эту фразу несколько недель подряд, но что она значила, не понимал.

– Убери шлем, – отвернулся Денис, – если сдохну, туда мне дорога.

– Ускориться хочешь? – перегородил спуск с разгоночно-

го сектора Сергей, – на тот свет натерпится?

– Свет, – сощурился Дэн. – Ненавижу свет. Предпочитаю кромешную тьму.

Он помнил только ощущение покоя. Полёта и невесомости. Авария стерлась. Точнее смылась, ведь машина Дэна рухнула с моста в воду. Серый блики, твердая вода, удар... и бесконечное чувство... что больше никогда не вспыхнет свет, что веки никогда не впустят ни единого луча, способного согреть и осветить.

Какой мог быть свет, когда ты забираешь чью-то жизнь?

Когда твоя невеста изменяет на помолвке?

Когда твой брат...

– Дэн! – вывел его из ступора удар Сергея в плечо, – проснись! Ты здесь?

– Я здесь... – прошептал Денис, и перед глазами поплыли желтые перевёрнутые смайлики.

Дэн толкнулся и сиганул с трамплина.

В какой-то момент он летел над байком, вытянувшись в линию. Приземление, новый заход – трехкратное вращение заднего колеса вокруг переднего. После, разгон вперед, вращение, приземление колесом на скат и езда в обратную сторону спиной.

Мгновение, и зрители были уверены, что спортсмен сорвется, но вместо падения Дэн исполнил полный переворот вместе с Бэ-эм-иксом. Свой фирменный трюк «Солнце», когда его голова проносится над асфальтом, а колеса чиркают

небо.

Зрители взорвались овациями и приветственными кричалками. Больше всех старалась группа фанаток с пушистыми помпонами, прыгающие в короткий юбках на границе площадки.

– Эй, Дэн! Куда собрался? – остановил его Сергей после завершения заезда, – кубок иди получи и черкани школоте пару закарюк на рамах!

– Не интересуется. Чиркай сам, – проверял Дэн рулевое крепление.

– Слушай, – перегородил ему дорогу Сергей, – это в спонсорском контракте. Сложно улыбнуться паре блогеров, получить кубок из рук мисс Южное Бутово и десять минут помалевать на постерах с собственной рожей? Погоди! – уперся он в раму бэ-мэ-икса, когда Дэн дал понять, что оставаться со своей рожей ни на какую сессию не собирается.

Ноги Сергея вязали в коричневой рыхлой земле, но он не сдавался:

– Мне это нужно! Я за счет мерча живу! А у меня новая девушка... ты хоть представляешь, как это дорого? Цветы, кафе, подарки... Чем мне за хату платить? Грязью из-под велосипедной рамы? Десять минут и ты свободен!

– Восемь, – ответил Дэн тихим голосом. – И ни одной больше.

– «Восемь минут – на небеса вознесут»! Это же слова кри-

чалок от твоих фанаток, да?

Сергей скрестил руки и прищурившись подколот друга:

– Восемь минут? Серьезно? С твоим то боевым опытом Казановы. Не маловато?

– Достаточно, чтобы быть в клинической смерти, – уточнил Дэн. – Ровно столько меня откачивали, реанимируя.

– Я не знал, – стыдливо забегали глаза Сергея. – Они тоже, – покосился он на группу фанаток, скандирующих: Восемь минут на небеса вознесут! – Они думают, ты влюбишься в себя за восемь минут.

– Нет, – отвернулся Дэн. – Хватает и восьми секунд.

– Гости турнира, школота и ребзя всех возрастов, приглашаем на автограф сессию чемпиона Дэна Дроби! Время ограничено! Торопитесь! Автографы получают не все! – раздалось информационное оповещение над спортивными площадками.

– Слышала?! – в панике озиралась на громкоговоритель Даша, – ограничено! Не все получают! Ну он хотя бы не уедет, как обычно...

– Там человек пятьсот, – уставилась Тёма на толпу, – твои девчонки из группы не заняли место поближе?

– Он же без предупреждения начал! Мы караулили его на паркинге, на входе и выходе из Олежек, а их знаешь сколько – минимум восемь! Но, но... – чуть не плакала Даша, – я так мечтала... я так хотела...

– Давай сюда, – махнула ей Тёма, ныряя в заросли жасмина, – сократим дорогу через кусты.

Чем терпеть нытьё три часа по дороге домой и ещё три месяца после, лучше попробовать помочь ей этот автограф заполучить.

Тёма пробиралась между нависающих этажей кустов и веток:

– Обходим толпу, берешь автограф и уезжаем, пока окончательно не спеклись, – сдвинула Тёма по спине прилипшую майку.

– Клянусь! Сразу! – протискивалась под кустами Даша, не замечая, как красные волоски её дредов остаются спутанными нитями на ветках.

Она была готова терпеть любую боль, лишь бы только у них получилось прорваться без очереди.

Над кустами, газонами и клумбами включились садовые поливалки.

На девушек в жасмине хлынули брызги воды. Тёма чувствовала бегущие по шее, по плечам, голове и рукам капли. Ей стало приятно и свежо, но голову начало вести. Резко замутило. Тёма остановилась, понимая, что земля уходит из-под ног и она не может сделать ни шага по прямой. Даша, не ожидавшая, что Тёма замрет, словно каменная, споткнулась о торчащий корень, врезалась в спину подруги, и вместе с Тёмой они вывалилась из жасмина вперед руками.

Раз...

Тёма навалилась на стол с листовками и плакатами, за которым сидели два парня.

Два...

Рука с татуировкой грустного смайлика чиркнула автографом по ее лонгборту.

Три...

Глаза в цвет серого грозового неба уставились на нее.

Четыре...

В разуме Тёмы мелькнуло видение упавшего кольца с зеленым камнем.

Пять...

Тёма сделала шаг назад, и парень поднялся со стула.

Шесть...

День превращается во Тьму, когда парень перемахнул через столешницу, сшибая листовки, значки и плакаты.

Семь...

Его руки тормозят ее падение спиной назад, окутывая ароматом жасмина. Пылающий черный смайлик огибает ее ладонь, и чернота поглощает разум Тёмы, погасив предгрозовое небо вспышкой отстреленной дроби...

Глава вторая. Максимальные не близняшки

– Во даёт! – рассмеялся Сергей, – на что только не идут эти фанатки, чтобы привлечь твоё внимание! Удачный трюк! И автограф получила!

Толпа немного расступилась, пока Дэн пробовал прощупать пульс девушки, заметив фиолетовый браслет с надписью «Если я упаду, позвоните по этому номеру телефона».

– Что там с ней?

– Живая? – забеспокоились в толпе.

– У неё приступ, – смотрел Дэн на запястье девушки и её фиолетовый браслет.

Петля каштановых волос на макушке была утыкана листьями жасмина, а венок свалился на бок. В растрёпанной чёлке застряла пара сухих цветков. Девушка тяжело дышала и смотрела мимо него, она смотрела в небо, но глаза ее были совершенно черными, залитые мраком.

– Эй, Тёмка! Ты чего?! – подскочила Дашка и затрясла лежавшую без движения подругу. – Очнись!

– Бледнеет. Твоя подруга обесцвечивается.

Достав мобильник, он быстро набрал номер и продиктовал адрес, обернулся на Сергея, призывающего толпу фана-

тов к порядку:

– Девушки окажут помощь. Не волнуйтесь! Автограф сессия не закончена! Дэн Дробь к нам обязательно вернётся! – подскочил тот к другу, – ею займутся медики, возвращайся! Ты и пары десятков постеров не подписал...

– Закажи факсимиле, – равнодушно ответил Дэн.

– Какой к черту фак...?

– Восемь минут прошли, – повернул Дэн циферблат электронных часов, после чего поднял незнакомку из кустов на руки, что своим приступом спасла его от фотографирования.

Он встряхнул девушку и направился с ней в сторону парковки.

Дэн был рад хоть бы и чужому припадку, если не придется торчать напротив умоляюще протянутых частоколов мобильных телефонов и постеров.

Оборудование весит совсем немного, ведь сделано из облегченных сплавов. Кажется, лежащая у него на руках, весила не больше алюминиевого руля и пары шин. Он приподнял её голову выше, чтобы не подавилась собственным языком.

Выходя на парковку, Дэн заметил белую с желтым мигалку поверх фиолетового корпуса прямоугольной скорой.

Сделав быстрые подсечки паре лонгбордов девчонок, Дэн опустил свою ношу поверх них. С девушки окончательно свалился ее жасминовый веночек. Подобрал его, Дэн продел сквозь веночек руку, натянув его на плечо, перепрыгнул через кусты, не став выходить на парковку по асфальтированной

тропе.

Он направился к своему джипу – единственной памяти из прошлой жизни, ради бензина для которого он соглашался на фотосессии и раздачу автографов. Права после аварии Дэну вернули. Он был уверен, что его мать обеспечила ему эту привилегию, выкупив их.

Расчерчивая площадку черными грустными смайликами – следами резины, Дробь исчез со скоростью выстрела, нарочно чиркнув бампером карету ненавистной ему скорой.

– Восемь... – прохрипела Тёма, распахивая глаза.

Сердце сжалось необычным адреналиновым ударом, похожим на тот, который описывала Лона в день ее знакомства с Максимом.

Каждый раз, приходя в сознание, Тёма помнила какой это по счету раз, но не помнила, что происходило с ней до обморока.

– Так, – ощупала она себя, – это мой восьмой приступ. Ясно...

Она судорожно пыталась запомнить видения, что приходили к ней, как только случались подобные обмороки. В идеале вспомнить бы еще, что было до того, как она упала. Недавнее прошлое стиралось, как на отцовском магнитофоне, когда Тёма с Лоной пробывали записывать новые песни поверх надоевших.

Хотелось пить. Казалось ее глаза раскрошатся, если осме-

лится ими моргнуть.

– Держи, – нарисовался перед лицом бокал с водой, – пей аккуратно, не спеши.

– Лонка... ты здесь? – не заметила сразу Тёма дремавшую все это время на кресле сестру.

В палате было темно. Кривые перекошенные жалюзи. Шорох их мягких клиньев от сквозняка из форточки.

Тёма протянула руку, делая их сестринский приветственный пальцевый обряд: большим и средним Тёма словно ногами человечка пробежала по тыльной стороне ладони, и Лона ответила тем же, пробежав по пальцам сестры.

По месту «беготни» разбежались мурашки.

– Родители здесь?

– Ночью нас к тебе не пускали. Максим провел меня по благу, – подмигнула она.

– У тебя с ним серьезно?

Лона подвинула стул и поправила сползающий белый халат. В отличии от Тёмы, предпочитающей одевать, как пацанка и не пользоваться косметикой, ее близняшка Лона выбирала женственные наряды: юбки, платья, высокие гольфы. Ее волосы, с уложенными изгибами локонами, держал на макушке шелковый бан. На губах мерцали блески.

Близняшки были на одно лицо – стройные, с ровной кожей, но не внешность решала. Что-то другое делало их настолько разными, что мама порой в шутку пугалась – родные ли они вообще сестры?

Лона провела рукой по спутанным волосам сестры:

– Что ты помнишь?

– Я... – не могла оторвать Тёма взгляда от дыбящихся шуршащих полосок жалюзи, – помню запах жасмина, сахарную вату... и грустный смайлик.

– Грустный смайлик? Странно...

– А все остальное нет?

– Вату ты все время видишь, когда отключаешься.

Тёма уткнулась носом в подушку:

– Что у меня в голове?

– Ответы, – пожала плечами Лона. – Ты же хочешь узнать причину: почему теряешь сознание и как это остановить.

– Хочу.

– Вот и ищи ответы, – провела она пальцами по черной бандане вокруг запястья сестры, – если мы не видим музыку, не значит, что ее нет.

После развода родителей, с Тёмой и начали происходить непонятные приступы потери сознания. Она могла отключиться в любой момент, и никто не знал почему. Каждый раз, когда Тёма приходила в сознание, она забывала последнее, что с ней происходило.

Сегодня прибывая по ту сторону реальности, Тёма видела дом. Он был будто... похоронен. Не дом, а скорее усадьба. От нее остались лишь колонны, обвитые венами плесени. Они поддерживали провалившуюся в нескольких местах

крышу под одеялом перегнав сосновых игл и листьев. Прорезанная коричневая дверь напоминала пористый шоколад с ароматом гнильцы и растоптанных желудей. На окнах комья земли, пробившие стекла то здесь, то там паутиной, похожей на выстрел дробью.

– Лонка, зачем кому-то пришло в голову закапывать усадьбу?

– Ты это видела?

– Ага... похороненный старый особняк.

Лона села в ногах сестры, теребя ее за лодыжку:

– Максим снова будет предлагать тебе Ганнонет.

– Я не принимаю ничего, созвучное с «говном»! Пусть сам жрёт свой Гавнодат! И перестаньте уже говорить обо мне. Он тебе любовник, а не психолог.

– Ты младше на пять минут, но иногда ведешь себя как пятилетняя!

И пока Тёма придумывала ответ, чтобы не обидеть сестру (максимально и навсегда), в дверь постучал виновник происшедшего.

– Лона, Тёма... – позвал он, — ... вы шумите, – просочился он в дверь. – Разбудите дежурную, и всех прогонят.

– У тебя уволят? – спросила Тёма.

– Вероятно.

И тут Тёма заверещала во все горло:

– АААААААААА!!!!

Лона ринулась на нее, закрывая сестре рот рукой, а за

дверью палаты раздались быстрые шаркающие шаги. Резко включился свет. Тёма зажмурилась, а Лона сжалась под халатом, надеясь слиться с белыми стенами клиники.

– Три часа ночи! – пробовала дежурная открыть дверь в палату, но Максим ее не пустил.

– Все в порядке, Ирина, возвращайтесь на пост. Я сам, – продемонстрировал он шприц с успокоительным, – все под контролем.

Дежурная решила не вмешиваться. Все-таки это был Котов. Его повышение лоббировал сам заведующий.

Когда дверь окончательно закрылась, Лона бросила в сестру подушкой:

– С ума сошла?!

– Но я же в дурке, значит да!

– Макса уволят! И никто больше тебе не поможет!

– Мне не нужна терапия. Не хочу никаких экспериментальных препаратов! – уставилась Тёма на Макса.

– Я делаю, что могу, Артемида. Комиссию получается сдерживать. Но прогресса в лечении нет. Сегодня какой уже по счету приступ?

– Восьмой.

Тёма не любила, когда ее называли полным именем. Если она и была Артемидой, то лишь потому, что та покровительствовала луне, а Тёма по ночам оживала. Во тьме она сливалась с мраком, откуда приходили к ней ее видения.

Пока Максим приближался к койке, она думала: почему

ему выдали такой маленький размер халата? Под ним была только футболка, окантовку рукавов которого Тёма видела сейчас, а дальше сплошная мышечная масса – бугры на предплечьях, на спине, на грудной клетке, на животе. Она не стала опускать взгляд ниже, чтобы не тарашиться на еще какие-то бугры, что принадлежали ее сестре, а не ей.

Максим не был похож на занаву. Скорее на пловца из секции ныряния Лоны. Приветливый взгляд – заинтересованный и глубокий, от которого Тёме и раньше становилось не по себе, особенно когда она узнала, что ее сестра и Максим занимаются «нырянием» друг в друга.

Глаза его даже в полумраке играли синими искрами. Когда-то Тёма читала про паукообразных комаров, которые светятся синим. Комары живут в темных тоннелях пещер и облепливая своды, превращаются в мерцающие звезды.

Звезды – людоеды, пожирающие друг друга.

Таким был и Максим. Но как он «пожирает» Лону, Тёме представлять не хотелось, потому она пыталась сосредоточиться на его голосе.

– Твой случай, – продолжил Максим, опустившись на стул, где недавно сидела Лона пока сестра пересела к Тёме в ноги, – что-то уникальное в мире науки. Мне разрешили работать с твоей картой...

– Потому что ты умный! – ободряюще высказалась Лона.

– Потому что блатной, – брякнула Тёма.

– И то, и то, – согласился Максим. – Я против препаратов.

Но... – посмотрел он на Лону, – твои приступы... нужно купировать. Ведь так продолжаться не может.

Последние слова... для кого? Неужели, для Лоны?

Тёма решила защищать свой дефект, как плюшевый медведь с надорванным ухом – пусть нитки торчат, она все так же достойна любви, как не покалеченные мишки.

– Мои обмороки – это мои обмороки. Они хотят мне что-то рассказать!

– Страшный секрет? – расплылись губы Лоны в улыбке.

Для нее улыбнуться было легко, а вот Тёме уже год не удавалось свернуть арку рта уголками вверх.

– Пока не узнаем, что их вызывает, не сможем их остановить.

Лона подошла к окну, отодвигая спутанную вермишель жалюзи и запрыгнула на подоконник с ногами. Долгий спорт в ее жизни сделал тело гибким, сильным и выносливым.

– Это мы с тобой помяли шторы? Когда ты поцеловал меня сегодня?

– Скорее всего... – вспыхнули щеки Максима.

– Ты сделаешь это снова?

Она опустила на корточки, и его губы уперлись в ее обнаженные коленки.

– Здесь? – озирался он.

– И здесь, и завтра, и в клубе.

Отодвинув мятые жалюзи, Максим выудил из кармана

сьемную ручку для открытия решетки окна. Все-таки, учреждение хоть и считалась с прибыванием на добровольной основе, лечили здесь ментальные расстройства психики, эпилепсию и прочие состояния, когда пациентам опасно приближаться к высоте.

Для Артемиды Пчелкиной была арендована одноместная палата. За ней закрепили постоянного лечащего врача – Максима Котова, ведь Тёма согласилась разговаривать только с ним, когда поступила в центр после первого обморока. До Максима она послала по известному адресу в романтическое кругосветное путешествие всех, кто пытался задать ей вопрос: «как вы себя чувствуете? Что случилось?»

А как они бы себя чувствовали, грохнувшись с высоты собственного роста об асфальт? Испытывая головокружение, тошноту, пытаясь отделить явь от вымысла – от снов и образов, что приходили к Тёме пока разум отсутствовал.

Пока воспоминания на плёнке головного мозга стирались, уступая место никогда не случавшимися с Тёмой событиям.

Кто же посылает ей образы? Что за проклятье?

При их первой встрече Максим удивился настороженному взгляду пациентки. Девушка будто бы пыталась его узнать: кто он, откуда она его знает, где они виделись?

Максим был уверен в одном – их первую встречу ей лучше не вспоминать.

Он не допустит этого. Он все возьмет под контроль. И экспериментальный препарат Ганнонет тоже. В порыве душев-

ных мытарств о правильности своего поступка: лечить Тёму, встречаться с Лоной, хранить от них тайну и кто он на самом деле, Максим впервые решил принять таблетки Тёмы.

Тот самый Ганнонет.

Впервые он принял таблетку спустя месяц после того, как случился самый тёмный день в его жизни.

Максим взялся за лечение Пчёлкиной попутно подлечивая и себя. Он выписал за год пятьдесят таблеток Ганнонета, принимая по одной в неделю. Пилюли помогали ему забыть.

Стереть хоть бы на время, что он натворил в прошлом. Он пробывал смыть и стереть страшную тайну, что окончится для него тюрьмой, если подробности всплывут на поверхность. Поэтому он держался возле Пчёлкиных, поэтому делал все, чтобы контролировать лечение их младшей дочери.

Но между ним и правдой оказалась Лона.

Как врач, как человек, как мужчина он понимал, если влюбится... если не сможет от нее отказаться, следуя всей логике ответа: «нет, мы не можем быть вместе», наступит конец света.

Наступи беспросветная тьма.

– Ты здесь? – отвлекла его Лона, уставившись на замерившую руку с «отмычкой» для оконной створки, – ты меня отпустишь?

Отпустить он ее не мог, знал, что должен, но не мог.

Промассировав грудную мышцу (не сердце) Максим от-

пер створку окна. Внизу каменная труба – крыша спрятанной паровой котельни – на которую прыгнула Лона. Максим не спешил запирать окно. Лона обернулась, встала на цыпочки и коснулась его губ своими коротким нежным поцелуем.

– Увидимся в клубе.

– Зря я тебе рассказал. Забудь. Мы не будем ничего делать.

– Ты не будешь, а я – буду. Сам знаешь, что это единственный выход, – решительно заявила она.

Он сдержался, пытаясь скрыть накатившую на него тоску. Мысли его возвращались к насущному – как выписать Тёме (то есть себе) новый Ганнонет, если он уже истратил весь утвержденный комиссией лимит.

Глядя, как исчезает тень сестры в проеме окна палаты, Тёма перечислила пятьдесят три мышцы, которые одновременно отвечают за улыбку. Можно обойтись пятью. Такие в науке называют социальными. Чем больше чувств и искренности, тем больше задействовано мышц. Ни одна часть тела кроме улыбки не управляется сразу полусотней натяжения и расслабления такого количества мышечной массы.

Может быть, это не мышцы на лице Тёмы оказались атрофированными, это атрофировалась ее душа, разучившаяся выражать мимикой радость?

Она помнила развод родителей и как им с сестрой пришлось разъехаться по разным концам города. Как мама с па-

пой игнорировали друг друга на редких семейных встречах. Как они молчат, стыдливо поглядывая друг на друга и на сестёр. Сколько девочки не пробовали добиться правды – измена, болезнь, внебрачные дети? – родители превращались в немых угрюмых социопатов, сбегающих куда подальше.

– Смайлик... – посмотрела Тёма на руку.

На участок кожи между большим и указательными пальцами.

Она помнила грустный смайлик с перевернутой улыбкой, помнила предгрозовые серые глаза незнакомого парня совсем близко... еще немного, и он коснется губ Тёмы своими, помнила Лону с сахарной ватой в волосах.

Глава третья. Пчеловод для Пчёлкиной

Покинув палату Артемиды, Максим собирался осесть мешком с костями и мясом прямо тут – на больничном полу, но вовремя вспомнил, что коридоры оснащены камерами наблюдениями. Коллеги и без того считают его блатным и потому таким бесстрашным перед начальством, не хватало еще начать выглядеть в их глазах «ментально особенным» или попросту неврастеником, в которого стал превращаться Макс, взяв на лечение Пчёлкину.

Благодаря финансовым дотациям его матери, два года назад Максима приняли на должность лечащего врача психотерапевта. За это время он закончил аспирантуру, став самым молодым замом главврача отделения.

Деньгами мать пробовали искупить вину перед старшим сыном за то, что, когда ему было всего пять, она вышла замуж во второй раз. Родила новых двух детей, кому отдавалась полностью, а Макс в основном проводил время у бабушки.

Сводные получали приставки, игрушки, поездки, а младший получал ремня и строгий нагоняй, что плохо присматривает за малышней: что из-за него у них коленки разбиты

или голова кишит одними онлайн играми.

Максим и сам был ребенком. Ему было пятнадцать, когда десятилетние двойняшки начали вить из родителей не веревки, а канаты. В одну из семейных встреч отец Максима и новый муж матери сильно повздорили. Дело дошло до драки и рукоприкладства.

Отчим обвинил Максима, что тот украл у двойняшек телефоны и продал их.

Так оно и было.

Только Максим сделал это по просьбе брата и сестры, которые пришли к нему сказав, что хотят забрать щенка из приюта, но там просят денег за перевозку животного и вакцинацию. Они даже фотографию щенка показали, а когда Максим продал телефоны, демонстрируя им пятьдесят тысяч, заорали, позвали отца, обвинив Максима в краже.

Брат и сестра подучили по новому крутому мобильнику, а Максим – крутой нагоняй. Он принял решение переехать к бабушке, оставив вместо себя того самого щенка – помесь колли и овчарки с пушистой белой треугольной окантовкой по краю ушек.

Максим дал ему кличку Зигзаг.

Когда младшие дети подросли и оперились, превращаясь в избалованных неуправляемых эгоистов и потребителей родительских благ, мать Максима вспомнила, что у нее есть порядочный старший сын, который не получил ни копейки

от нее, ни единым звонком, открывающим любую дверь, ни разу не воспользовался, и пробуя уравновесить его с остальными, начала осыпать преференциями.

Из денег фонда Максим оплачивал лечение Тёмы Пчелкиной. Ее стационар и экспериментальный Ганнонет (эксперимент, правда он ставил над собой). Случившееся прошлым летом настолько вымотало душу Максима, что не помогали ни телефонные звонки родному отцу, осевшему в палаццо где-то между лабиринтов венецианских каналов. Не помогали его собственные знания врача. Не помогала уже пилюля Ганнонета, требовалось поднять дозировку.

И Максим знал, как это сделать. Задача поиска таблеток стала третьей в очереди. На первом месте была проблема по имени Тёма Пчелкина. На втором относительно новая, явившаяся в его жизнь в виде анонимной записки.

Вернувшись после смены, Максим обнаружил листок бумаги, воткнутый в щель двери его квартиры. Решил, что снова забыл скинуть на консьержку, но послание оказалась иным. Из тех, на которые зависимость Макса от нейролептиков возросла в двое.

Текст был вырезан и склеен из черных букв, как в примитивном детском детективе, вот только содержание... Прочитав первые слова, Максим влетел в квартиру, заперся на все замки, задвинул шторы и рванул к заначке из пары бутылок вина. Пока он пил из горла, вино лилось на записку, окрашивая надпись кровавыми разводами.

Тест послания гласил: «я знаю, что произошло в сауне у меня видео. Заплатишь 500 миллионов, и никто не узнает, жду деньги через 14 дней пойдешь в полицию, и все узнают про Кристалл»

Есть видео запись! Но откуда?! Кто мог заснять случившееся?! Полиция ничего не нашла, а Кристина не подавала заявление. Она просто уехала. Сбежала. Она отсутствовала почти полгода, и семья Максима и Кристины отказались от всех контактов после... инцидента.

О записке Максим решил молчать.

И продержался он всего неделю, пока не получил новое письмо. В тот день они с Лоной приехали к нему после кино. У нее было три часа до волейбольной тренировки и грандиозные планы небольшого приключения с парнем.

Но парень в итоге ревел на груди у Лоны.

– Максим, что? Прошу, расскажи. Ты можешь мне доверять, – уговаривала его Лона отдать ей записку, изменившую Максима до неузнаваемости.

Когда удалось отобрать бумагу, Лона прочитала: «флешка в сейфе Лысого. Копия. Забери ее и убедись, что я не вру. 500 миллионов нужны через 2 недели»

Лона прочитала и первую записку тоже.

– Что всё это значит?

– Шантаж, – ковырял Максим маникюрными ножницами пробку второй заначенной в его доме бутылки вина. – Он просит пятьсот миллионов...

– Что на флешке? Что на ней?

– Не было, – мотал он головой, – там не было камер! Это ложь!

Лона достала медицинскую аптечку с пластырями, пока Максим продолжал чиркать по пробке, пробуя ее вскрыть, но попадал только себе по пальцам.

– Или ты расскажешь, что на флешке и при чем здесь ты, или я уйду, Максим! Ты в чем-то виноват?.. Умоляю, не ври!

– Но, – перестал он сражаться с бутылкой, – мы все врём, Лона. Даже... ты.

Оба напившись в тот вечер, Лона с Максимом придумали план, как украсть флешку. У них хватило сил заняться любовью, а когда Максима вырубил, Лона уехала на волейбольную тренировку. Очухавшись, Максим просил ее обо всем забыть, но Лона оставалась непреклонной. Спасла Максима от кражи только перенесённая тренером крайняя тренировка перед финалом городских соревнований.

«Это был просто розыгрыш, забудь» – отправил ей Максим смс.

Она ничего не ответила, но и не стала настаивать на попытке обокрасть не самого приятного в городе человека. Лысого вообще никто не видел в лицо. Он получил такое прозвище, потому что брил головы наголо при посвящении в члены банды. Его люди щеголяли по клубу с татуировкой циферблата часов на затылке, отдавая время своей жизни клубу «Время» и его хозяину.

Лона на самом деле решила, что погорячилась лезть в подобную заварушку. Поговорив с сестрой, и все ей рассказав, она успокоилась. Тёма в очередной раз высказалась, что заводить роман с психиатром, который лечит твою сестру-психа самая психованная идея и всех!

На утреннюю летучку Максим появился со стаканом кофе, внутри которого был энергетик и тридцать (ладно пятьдесят) грамм коньяка.

Его аспирант Игорь подавал знаки руками, чтобы Максим Вадимович пригладил растрепавшиеся волосы.

Максим уселся по правую руку от кресла, на котором восседал глав врач клиники профессор Власов.

Претендентка на должность Максима, лишившаяся ее из-за вмешательства финансов матери Котова, помахала кистью руки у себя под носом, скривившись.

– Не стыдно, Максим Батькович. Или Мамкович? – добавила она тише.

Максим посмотрел на нее поверх стекол очков:

– Пустырник. Еще один такой жест, и я переведу вас на должность полумойки.

Тамара притихла, а Игорь обернулся на соседей по стульям: все ли услышали, как его руководитель отшивает их начальство.

Максим пригладил волосы, обвёл взглядом коллег. Без него летучку не начинали. Таким было распоряжение Власо-

ва – не лезть под руку Котову.

– Что, Максим Вадимович, – дернул плечом заведующий отделением, – бессонная ночь? Из-а Пчёлкиной Артемиды Зевсовны?

Один из новеньких аспирантов не сдержался, хихикнув:

– Жесть... вот это имя!

– Не жесть, – строго посмотрел заведующий, бросив взгляд поверх линз – половинок, – а мифы древней Греции. Зевс с любовницей титаншей Лето родили близнецов: Аполлона и Артемиду. Наши с вами современники Пчелкины родили однойцевых девочек, ну и недолго думая назвали близнецов – Аполлония и Артемида. Чтобы отчество у них было Зевсовны.

– Ясно. Спасибо. Простите... – покраснел студент.

Покряхтев, Власов продолжил:

– Ну, что мы имеем. Артемида Зевсовна Пчёлкина, восемнадцать лет, диагноз не уточнён. Наблюдаются необоснованные обмороки с последующей амнезией, – положил перед собой карту профессор, – вчера поступила с очередным приступом, механика не изучена. Хоть ей и занимается уже целый год староста вашего класса, – покосился он на Котова, – расскажите, как влияет на Пчёлкину Ганнонет, Максим Вадимович?

Глотнув свой коньячный пустырник, Максим ответил:

– Ганнонет не работает.

– Что?! – возмутился Власов, – невозможно! У других...

– Каких других? – парировал Максим. – Таких диагнозов в стране не зафиксировано. Но! – призывал Максим коллег к спокойствию, – я знаю, почему он не работает.

– Просветите! – швырнул ручки Власов на папку с записями.

Карандаш Котова колотился о титульный лист карты Пчёлкиной, оставляя россыпь веснушек. Только ими близняшки и отличались. Скулы и нос Лоны были усыпаны рыжей россыпью солнечных зайчиков, когда как коже Тёмы досталась всего одна единственная.

– Дозировка, – повернулся к профессору Максим. – Требуется увеличить дозировку. Втрое.

– Вы в своем уме? – не сдержался Власов, – Пчёлкина входит в экспериментальную группу. Последствия таких доз не изучены. Дайте сюда анализы.

Максим протянул бланки с тестами. Только вот в пробирках, с которых был получен результат, была кровь врача, а не его пациентки.

Изучив цифры, Власов вернул бланки:

– Организм усваивает препарат. Какая побочка? Что отмечает Пчёлкина?

Максим перечислил собственную симптоматику:

– Временами сухость во рту и в глазах, быстрая речь и, – в мыслях он произнес «желание принять еще больше пилюль или застрелиться», – сонливость. Ничего особенного.

– Но обмороки продолжаются, и память не возвращается?

– Из-за дозы, – быстро добавил Максим. – Ее не хватает.

– А привыкание? Ее тянет принять больше таблеток?

– Наоборот, – честно ответил Максим впервые за всю комиссию. – Она отказывается от них, как только может.

– Это хорошо, хорошо... – размышлял Власов. – Я подам заявку на увеличение дозировки. На десять процентов, не на триста.

Сунув руку с карандашом в карман белого халата, Максим переломил его пополам.

– Коленки хрустят? – покосился Власов, – пейте бады с коллагеном, коллега.

– Зубы... – огрызнулся Максим.

– Тогда сдайте кал на гельминты.

Аспиранты вдоль стенки хихикали, пока Игорь расталкивал их локтями, а Тамара так и вовсе хохотала в голос. Максим догадывался, что выпави Тамаре его имя в корпоративном Тайном Дед Морозе, она подарит ему рулон самой дешевой туалетной бумаги и глистогонное с аллегорией, что единственный глист в их коллективе – он.

– Максим Вадимович, – теребил Игорь пальцами лист с протоколом встречи, – вы серьезно решили увеличить дозу втрое?

Максим по-дружески, но сильнее, чем можно было, ударили Игоря ладонью по спине:

– Теория... и ничего больше, – уставился он в стену.

Игорь не считал себя простаком. Он знал секрет Котова и терпел руководителя только из уважения к его покровительству.

– Мне пора, – направился Максим к двери. Он был способен думать сейчас только о пилюлях, что помогали ему забыть. Он придумывал план, как раздобыть новое назначение и еще сотню пилюль Ганнонета.

– Стойте! – догнал его Игорь, – да, пора! Пора все рассказать!

– Чтобы еще кто-то умер? – резко повернулся он и полы его белого халата запутались между колен, – ты не понимаешь! Это не правда! Это покаяние...

– Тогда покайтесь. Если верите хоть во что-то. Год прошел... вы сами знаете, что пора... Или я...

– Нет, стой! – понимал Максим, чем вот-вот закончится эта беседа. Новым шантажом, твою ж мать! – Слушай, Игорь, дай пару недель. Сейчас... сложный период. Отец собирался приехать. Я не видел его толком всю жизнь. С трудом восстановили связь. Я часто ему звоню, – отвел он взгляд, понимая, что половину времени разговаривает с автоответчиком, а не с отцом. – Он единственный, кто меня понимает.

– Но вы обещаете, что признаетесь?

– Да! Да! Обещаю! – перекрестился Максим.

Он был готов пообещать перевернуть вверх ногами раду-гу, лишь бы прекратить этот разговор. Лишь бы поскорее покинуть директорскую и как можно быстрее реализовать план

добычи пилюль.

Что он и сделал, просто взяв нужную дозу из хранилища, ведь никакого плана не было. И плана, как выпутаться тоже.

Проглотив две таблетки, Максим прижался к кафелю в мужском туалете, скатываясь вниз. Он ощущал себя полным говном и здесь ему было самое место – меж возвышающихся над головой писсуаров.

– Алло, – набрал он номер отца с помощью кнопки быстрого вызова, но вместо голоса звучал лишь писк автоответчика и столь необходимое Максиму молчание, к которому он стремился – услышать тишину, стереть ею белый шум трагедии, – отец? Ты здесь? Это я... Там было столько розовой ваты... и пузырек в моей руке... Я сделал это... Я все-таки это сделал...

Глава четвертая. Принц заброшки

Потребовалось более двадцати минут и четыре резких смены курса, чтобы оторваться от хвоста фанаток. Девчонки становились все более изобретательными. Еще немного и у Дэна разовьется паранойя с побросанными под днище машины жучками и маячками слежения.

Он бы не удивился. Наверняка мать тратила огромные суммы на попытки узнать, куда пропал ее сын? Где он скрывается и когда вернётся?

– Никогда, – ответил Дэн сестре, встретив ее в клубе.

Ангелина была связующим звеном между двух домов: один под крышей неба, другой своей крышей упирается в землю. Она дала обещание, что всеми способами заставит брата встретиться с матерью.

– Хочешь привезу его тебе с забетонированными в таз ногами?

Геля разлеглась на кресле в офисе матери. Она мотала вверх и вниз золотой босоножкой. Ее русалочьи волосы – прямые и столь длинные, что, когда Геля их распускала, они доставали ей до колен, касались пола, делая виток по ковролину.

– Прибери локоны, – строго велела Анна, будто дочери

семь.

– А то подстрижешь меня на лысо? – рассмеялась Геля, вспоминая детские страшилки матери.

Анна стояла спиной к дочери и лицезрела город пока под ее ногами на восемьдесят этажей ниже разрывались снаряды салюта.

– Не навреди брату, – опустила Анна тонкие пальцы на ледяные окна, вспоминая какой холодной была кожа ее сына после реанимации. – Но сделай все, что считаешь нужным, чтобы он вернулся.

– Я его ну упусти. Не то, что твои детективы-халявщики.

– Зачем он так со мной, Геля? Я на его стороне. Я делаю все для вас.

– Ага, – хлопнула девушка пузырем из жвачки, – ты по крайней мере убедилась, что твой сын способен выжить на помойке!

– Он Дробников. Наследник корпорации, а не бомз!

– Бомж, мама. Правильно говорить «бомж».

– Правильно говорить «олигарх». Знать не хочу ни о каких... маргиналах! Хватило с меня первого мужа. Нищего игрока в однорукого бандита!

Геля отшвырнула обе босоножки, и на цепочках подошла к матери, исполняя крутые повороты бедрами:

– Бандит Дробников с двумя руками тебя тоже бросил, – обняла она мать, опуская голову той на плечо.

Анна не стала спорить. Прикрыв глаза, она коснулась тёп-

лой щеки дочери.

– Но хотя бы оставил империю, которую я усилила вдвое.

Она вздохнула:

– Как думаешь, что он сейчас делает?

– Вадим? Малюет картины, которые ты выкупаешь. И не отнекивайся. У меня три диплома. В твоих цифрах я разобралась.

– Пусть живет хоть на что-то... все-таки, Максим наш с ним сын. Пусть гордится отцом. Но я не про Вадима. И не про второго козла. Женщина сильнее всех мужчин и способна на любовь лишь к сыну.

Салют прекратился, сменяясь ударами грома. Скоро начнется гроза, какие бывают только в середине августа, когда наэлектризованный жаром воздух бьет молниями вверх.

– Денис? Надеюсь, он готовит себе тазик, – прищурилась Геля.

– В который ты зацементируешь его ступни? – не восприняла Анна фантазерку дочь на полном серьезе.

– Чтобы поставить под протечки в крыше. Он же бомж.

– Геля! Ты решила убить меня без ножа?

– А что ты хотела? – хлопала Геля большими карими глазами, – он не зарегистрирован ни в одном отеле, не снимает жилье и не тусуется у друзей. Он спит под мостом или в коробке.

Анна держала руку на сердце:

– Надеюсь не под Тёмным мостом, где все случилось...

Вызвав ассистентку, Анна отдала распоряжение:

– Закажи Ангелине подборку алюминиевых тазов и мешок цемента.

– ...и еще кое-какого алюминия добавь, – стал взгляд Ангелины еще более азартным, – патроны. Восемнадцать на сорок пять.

– Для травмата, я надеюсь, – кивнула Анна ассистентке, чтобы та все заказала.

– Для осы, мам. Нужно запастись парочкой, а лучше сотней... горячих, острых жал.

Мать и дочь смотрели друг в другу глаза, думая об одном и том же человеке с жужжащей фамилией.

Дэн свернул к черному решетчатому забору, отгораживающему дорогу и дикий лес, когда-то называвшийся парком. Через пятьсот метров показался проход между отодвинутых жердей, и оглядевшись по сторонам, он юркнул внутрь. Теперь по прямой и скоро покажется овраг, в который полвека назад рухнула старая усадьба. Теперь усадьбу скрывали ограды из земли, кустарники с шипами и поваленные деревья.

Рухнувшая с ушедшей в низину насыпью усадьба, словно бы скатилась с горки, убежала и спряталась. Не дождавшись реновации, историческая постройка сбежала ото всех.

Дэн чувствовал родство со этим домом. Падая в овраг, усадьба порвала капиллярные сосуды труб, как и Дэн, рух-

ну с моста. Электричество навсегда погасло в пыльных светильниках и люстрах, как остановились мозговые импульсы Дэна. Он переломал себе кости – в усадьбе обрушились колонны и лестницы. Ему выбило два зуба ударом об руль – дом потерял пару створок парадных дверей.

– Здорово, Зигзаг, – почесал Дэн пса за ухом.

Сев на корточках, выудил банку корма и положил ее в миску собаки, черканув вилкой пару раз, доедая со дна.

В усадьбе сохранилось более двадцати комнат, которые Дэн признал годными для жилья. В некоторых он хранил свое оборудование для экстремальных видов спорта: от байдарок и гоночных байков до парашютов. Были здесь и лонгборты, и горные лыжи, и ролики. Страховочные обвязки, кошки и веревки для альпинизма. Ледоходы, крюки, карабины. Отдельные полки занимали спортивные камеры, а в паре задних комнат Дэн разметил квадроцикл и снегоход.

Утварь развешивал по стенам и потолку, и только он знал, как пройти сквозь эти лабиринты к комнате, служившей ему и кухней, и спальней.

Небольшой генератор снабжал нужные помещения электричеством. По крайней мере холодильник у него имелся. Зачем-то Дэн купил самый большой, трехметровый. Еды в нем никогда не было, зато он стал единственным источником света. Если Дэн не зажигал свечи, он распахивал створку камеры, сидя возле ее на полу и читая книги или инструкции к видеоборудованию, которым оснащал ВМХ-ы.

Вода в усадьбу поступала через систему насосов из резервуара, раз в месяц, который пополнялся (за взятку) теми, кто не станет задавать лишних вопросов. Имелся и биотуалет с душевой.

Душевую Дэн оборудовал в старом зале, где когда-то в усадьбе находился фонтан. Он оставил все исторические детали – разбитую плитку пола и накрененную статую с богиней, имевшую три лица и три тела, прижатых спинами друг к другу.

Работа над заброшкой занимала все его свободное время и разум пока не наступило лето. Его некогда наменикюренные ногти забились грязью. Уложенные гелем волосы отрасли до плеч. Он перестал улыбаться, отразив свой внутренний мир в татуировке грустного смайлика, который набил на внешней стороне ладони от большого пальца до мизинца.

Сев спиной к холодильнику, Дэн набрал номер:

– Простите, я подписал соглашение о неразглашении. Ничем не могу вам помочь.

Адвокат первым сбросил звонок, и разбитый экран мобильного отразил покрытое трещинами лицо Дениса Дробникова, искаженное злостью.

Он был в уличной обуви, колени в грязи и паре новых ссадин. От его пальцев пахло непривычно сладко. Не машинным маслом и не смазкой для цепи, а чем-то цветочным. Когда он принес девушку с приступом на парковку, в его руке остался веночек с ее волос. В своей машине, царапая скорую,

находившуюся под меценатством матери, Дэн сдал цветы, превратив их в пюре.

Он ненавидел материнскую протекцию.

Из-за ее связей, Дэн не мог получить ответ – кто умер из-за него год назад? Кого он сбил на Тёмном мосту, когда сбежал из коттеджа? Сбежал с собственной помолвки. Вспомнив тот вечер, он зарычал и вгрызся зубами в губы, сдерживая рвущуюся наружу боль.

После аварии, когда Дэн вышел из комы, в голове все перемешалось. Он помнил драку, помнил, что бил кому-то лицо, помнил месиво крови на своих кулаках, помнил, как мчит по дороге, помнил... как перед капотом выбегает. Это был Зигзаг.

Поворот руля, удар, опять удар, и беспросветный мрак, густая всеобъемлющая тьма, колыбель погребения, из которой его выдернули белые руки света. Резь в глазах, он задыхается, он в палате на аппарате жизнеобеспечения.

Суд начался и закончился без участия Дробникова.

Дэн знал только одно – из-за него на том мосту умер человек, но он не мог выяснить имя. Материалы дела затопило в хранилище суда при тушении пожара в октябре, а так оно числилось закрытым, бланки могут восстановить лет через пять. Юристы, работающие на мать по делу с аварией, все как один подписали бумаги с пожизненным молчанием.

Даже бывшая невеста Кристина уехала жить в другой го-

род.

Она не могла простить убийцу, он не мог простить изменщицу.

Дэн тер виски.

Хоть до дыр их будет тереть, но не сможет вспомнить тёмный день, изменивший его жизнь, подаривший жизнь ему, которую он посылал к черту.

Зигзаг лизнул руку хозяина, жалобно поскуливая. Почесав белую окантовку пушистого уха, Дэн помнил лишь зигзаг, совершенный его автомобилем... полёт, тишину... помнил горячее прикосновение к его ледяной руке.

– Что было перед аварией, Зигзаг... куда исчезла Кристина? С кем она... – зажмурился он, – с кем он... ушла в те сауны?

Дэн хмурил брови. Он бы лучше врезался на скорости двести в бетонную стену, чем переживать снова и снова картину его невесты, совершенно голой, под телом мужика – его руки впивающиеся в ее бедра, красные следы чужих пальцев на нежной коже, синие острова засосов на ключицах и шее. Дэн помнил лицо Кристины, как она смотрит на него, как жмурится и начинает рыдать... но он не помнил парня, с которым она изменила в день их помолвки.

От рук Дениса пахло жасмином. И аромат этого цветка вызвал стойкое воспоминание.

– Официантка... – выдавил Денис, – конечно, – провел он пальцами под носом, вспоминая аромат жасмина и девушку,

которую видел в коттедже, – это же та самая девчонка, которая рухнула на меня из кустов! Я видел ее год назад на помолвке.

В последний день лета Дробниковы и Гусенковы объявили о скорой свадьбе своих детей – Дениса и Кристины. На помолвку пригласили Максима, хоть Кристина и Дэн его недолюбливали из-за нелицеприятного общего прошлого.

Из Италии прилетел Вадим Котов, отец Максима, к чему сильно взревновала Ангелина, ведь их с Дэном отец проигнорировал приглашение. Наверняка, зависал где-то на экзотических островах с подружкой младше, чем невеста сына.

Официальная часть закончилась, когда невеста выпила из фужера, на дне которого лежало кольцо с зеленым бриллиантом в десять карат. Вспышки фотокамер, поздравления, банкет. Как только старшее поколение разъехалось, молодежь пустилась в отрыв. Девушки прыгали в бассейн в одном белье, музыкальный бит выбил из дулл всех дятлов с белками, кругом слышался смех, сновали официанты, заносили закуски, напитки и десерты, еле успевая подбирать осколки от то и дело бьющихся фужеров.

В какой-то момент Дэн потерял Кристину.

Он думал, она удалилась переодеваться в пятое платье, но прошло полчаса, а в эпицентр вакханалии Кристина так и не вернулась. Отправившись искать ее, решив, что она могла перебраться с ее любимым Кристаллом и спрятаться от шума

и толпы, он поднялся в их спальню, обследовал тренажерку и кинозал, спустился в погреб, заглянул в припаркованные машины в гараже – ничего.

Кристины нигде не было.

Оставалось поискать в гостевом доме, но его занял кейтеринг и обслуживающий персонал. И Дэн направился к саунам, отдельно выстроенным в противоположном конце участка.

Он увидев девушку в черном платье официантки. Она неумело держала поднос и в ужасе озиралась по сторонам, как будто работает на вечеринке не в честь помолвки, а в честь жертвоприношения.

Оказавшись напротив, Дэн быстро окинул ее взглядом. Их взгляды пересеклись на мгновение, на то самое, что хватает пуле пробить сердце на вылет.

– Не видели здесь Кристину? – спросил Денис.

– Кого?..

– Мою невесту. Кристину Гусенкову, – не понимал он, слышит ли его сотрудница кейтеринга. Слишком уж рассеяно она держалась.

И пахло от нее... жасмином.

– Это оно... начало всего... – прошептала девушка.

– Чего начало?

– Это... начало Тёмного дня...

Перебирая в памяти диалог с незнакомкой, Денис резко

сел на матрасе.

– Загзаг, я видел ее сегодня! Официантка... она бубнила что-то про Тёмный день!

Он ударил кулаками по матрасу.

– Черт! Как ее сразу не вспомнил?! Она же... да кто она вообще такая?

То, что произошло дальше Денис вспоминать ненавидел. Девушка в черном платье слилась с темнотой. Толкнув дверь к саунам, он миновал холл и оказался в зоне отдыха с шезлонгами. Здесь он хранил свои старые байки, которым требовался ремонт.

Дэн нашел свою невесту. Она лежала на шезлонге. Обнаженная, покрытая испариной. Рот ее приоткрыт, глаза зажмурены, она стонала и задыхалась под телом мужчины со спущенными трусами и брюками.

Удар.

Драка.

Побоище.

Звон в голове, ушах и черные круги перед глазами.

Рев мотора, скорость.

Кровь сочится из разбитых бровей. Алые капли смешиваются с его слезами, застилая дорогу.

Дворники по сухому лобовому стеклу.

Его крик. Его стон и боль.

Он продолжает избивать руль машины, продолжает да-

вить на газ, продолжает кричать.

Мост. Зигзаг. Падение. Удар. Вода.

И тёплая рука вокруг запястья.

Шестнадцать старых сотрясений мозга в анамнезе Дениса сыграли с ним злую шутку. После комы он помнил помолвку и случившееся на ней вспышками, выдернутыми из потока знаний картинками. И никто, ни одна живая душа не рассказывала ему, кого он «убил».

Никто не знал имени парня, с которым уединилась Кристина. В ту ночь он сбежал. В ту ночь, много кто исчез.

Даже Максим.

Взяв отпуск и отгулы, он вылетел из страны, исчезнув на целый месяц.

Ровно столько Денис провел в коме.

Вот уже год длился Тёмный день, скрывающей правду. Осталось схватить тень за хвост, шарахаясь будто слепой в бесконечной дьявольской преисподней. Может, где-то там тоже была сауна, но Дэну представлялись лишь котлы бесконечных страданий.

Может быть, вселенной показалось мало той коллекции мук, что выпала на голову двадцатилетнего парня. Решив, давненько тот не мучался восемь тысяч четвертым видом боли его сердца, вселенная вибрировала на краю матраца внутри покрытого трещинами экрана.

Дэну могла звонить только сестра, раз в неделю угова-

ривающая его встретиться с матерью. Мог звонить Сергей, чтобы напомнить об очередном соревновании или контракте. Одного он уже видел сегодня, вторую посылал, а значит, звонков по делу быть не должно.

Дэн повернулся на бок. Трубка перестала вибрировать, и он прикрыл глаза, собираясь уснуть. Если и было еще место, где он мог забыться, куда мог сбежать, то лишь в своей голове, столько раз расколотой на кусочки.

– Зигзаг! – отодвинул Дэн слюнявую морду пса, мелко вибрирующую у его лица, когда пес принес ему мобильник. – Это не игрушка, – забрал Дэн резиновый противоударный чехол из пасти.

Дэн смотрел на экран и чувствовал, как его котел в дьявольской жаровне перешел в режим скороварки.

Он прочитал имя: «Кристина».

Год назад она уехала то ли в Сочи, то ли в Калининград. Ее родители оборвали с Дробниковыми все контакты. Будто не было их с Кристиной романа, их помолвки, а заодно и той адской вечеринки, на которой невеста изменила жениху, не продержавшись и часа в своей новой роли.

Он провел пальцем по разблокировке, но не смог произнести ни единого слова.

– Алло? – раздалось в трубке, – Дэн, ты меня слышишь? Не хочешь со мной разговаривать? – услышался то ли вздох, то ли всхлип. – Ты придурок, Денис Дробников! Я тебя ненавижу! И тот сраный день ненавижу! Господи, – всхли-

пывала она, – ты хоть представляешь, через что прошла я?!

Он представлял через что прошел сам: четыре осколочных перелома черепа, внутричерепные гематомы, отек мозга, дыхательную недостаточность, повреждения вентромедиальной префронтальной коры головного мозга. Таковую ерунду, как выбитые мениски он даже не перечислял.

Кристина то рыдала, то из нее вырывались смешки, то ругательства. Дэн не понимал, он хочет убить его или вымолить прощение? Наезды на него сменялись приступами жалости к себе самой.

– Ты бросил меня... Ты меня бросил... как все. Родители, друзья, коллеги... Все отвернулись.

«Наверное потому, – отвечал у себя в мыслях ей Денис, – что ты трахнулась в день помолвки с любовником на собственной вечеринке под носом у жениха».

– Я вас ненавижу, – шептала Кристина, – и я прощаю вас... я учусь быть милостивой... я бы никогда тебе не позвонила, если бы не...

Он понимал, что ответить рано или поздно придется:

– Если бы не что? – выдавил он, стараясь стереть любую эмоцию из собственного голоса.

Он ненавидел Кристину. Никогда в жизни он ее не простит. То, что она сделала, повлекло за собой всю остальную цепочку событий.

– Я не изменяла тебе, Денис. Я что-то... выпила. Все было, как в тумане. Руки, как вата. Мозг, как кисель. Кто-то...

взял меня под руку. Он шептал что-то приятное... был любезен. Потом толчок... я упала лицом на шезлонг. Блузку разорвал, юбку сдернул вниз. И начались толчки... внутри моего тела. Я не изменяла, меня изнасиловали.

Кажется, котел Кристины весь этот год варился не в печи, а в жаровне радиоактивного солнечного ядра.

– Поэтому сбежала. Я... виновата, я выпила что-то... кажется, это был фужер с моим любимым Кристаллом, в который ты положил кольцо.

– Что? – пропустил он что-то про шампанское и кольцо, – тебя изнасиловали? Кристина, если это ложь...

– Ты debil, – ровно и спокойно произнесла она, и Денис уверовал, что так оно и есть. — Думаешь, я хотела с собственной помолвки отправиться на криминалистическую экспертизу, чтобы мне раздвигали ноги и ватной палкой искали остатки спермы? Думаешь, мечтала, чтобы спустя сутки после статьи «Громкая помолвка самой яркой пары столицы» вышли заголовки «Громкое изнасилование и авария со смертельным исходом?»

Ее голос стал звучать тише. Послышался шорох, бульканье, легкий звон, характерный для ножки фужера, коснувшейся каменной барной стойки.

– Ты пьешь?

– Только так я могу забыть.

– Я хотел бы вспомнить.

– Кого?

– Кого избил в сауне. Кто тебя изнасиловал? Ты, – растирал он лицо шершавой ладонь, – зря сбежала.

– А ты? Разве ты не сбежал? Мы оба выбрали тьму. Игру в прятки с собственной тенью, а ее можно спрятать лишь в ночи. Там, где никто не увидит нас, не услышит и не найдет.

Он молчал, понимая, что она права.

– Почему рассказываешь обо всем сейчас?

– Потому что, – слышал Денис, как она пьет на той стороне провода залпом, и нотка фужера уже урезается в камень, а не деликатно приземляется поверх, – я получила вот это. Сейчас пришлю фото. Черт... руки трясутся... Отправила... смотри.

На время повисла пауза. Денис открыл снимок, приблизил его. Это был лист бумаги. Он был смят, а потом снова расправлен.

Кристина комментировала:

– Сначала я его выбросила, но потом... вдруг, это правда?

Текст записки был вырезан и сложен из черных разномастных букв, как в примитивных детективах: «я знаю, что произошло в сауне. 500 миллионов рублей, и никто не узнает. Откажешься или заявишь, и видео изнасилования попадет в интернет»

Дэн молчал, первой заговорила Кристина:

– Что он знает? Какое видео, Дэн?! Если... – шептала она и голос ее звучал протяжно, как у сильно подвыпившего человека, – если есть видео, если оно уплывет в сеть... моя

репутация, Дэн... у меня есть жених... он из Великобритании. И он... герцог или граф, плевать. Короче, из тех, кто вешает над камином семейный герб династии Планта... Планта... гигиенистов...

– Пантагенетов, – исправил Денис.

– Хоть трубочистов, феминистов и саксофонистов. Хочу вырваться! Мечтаю забыть...

– Кто это был, Кристина? Кто тебя... тронул?

– После бокала с кольцом, я помню, как кружилась голова. Словно сплю и не сплю. Споткнулась о чьи-то шлёпанцы возле бассейна, а в сознании образы: замки из песка, ракушки, и я иду и сплю, не различая реальность и вымысел... а потом шезлонг...

Кристина мечтала забыть, а Денис искал способы вспомнить.

– Это был гость? Кто-то из наших? Из персонала или посторонний?

– Я видела только тебя, когда ты пришел. Вы избивали друг друга. Он убежал. Ты потерял сознание, всего на пару минут. Потом бросился за ним. Еще помню девушку...

– Какую?

– В черном платье официантки... без фартука... Еле держалась на ногах. Качалась... у меня хватало сил, только чтобы открыть немного глаза... Она уронила велосипеды вдоль стены и упала.

«Опять та официантка! Откуда она? Что-то знала? Или

знает? Действовала вместе с насильником в паре?»

– У меня пропало кольцо, Денис... бриллиант в десять карат, малахитовый... он пропал в ту ночь. Все ушли, Дэн! Вы все ушли и не вернулись! И я... понимаю. Я тоже больше не вернусь...

– Нужно идти в полицию.

– С ума сошел! Нет! Он сольет видео в сеть, и я буду навсегда прокаженной!

– Твой герцог поймет и простит, если любит.

– А ты? – перестал дрожать ее голос, – ты простил?

– Измену – нет, но я не знал, что на тебя напали.

– Теперь знаешь. И что? Завтра у нас помолвка номер два? Сохраним все в тайне и поженимся, а газеты напишут «Счастливые влюбленные снова вместе»?

По ее интонации он не понял – иронизирует она или говорит на полном серьезе о втором шансе для них?

– Нет, – тихо ответил он. – Я больше не счастливый и не влюбленный. Я всех ненавижу и никогда не влюблюсь. Хорошо бы вовсе разбить голову вдребезг окончательно и свалить на тот свет.

Она вздохнула:

– Появится еще одна могила. Еще одна несчастная семья.

– Иди в полицию, Крис. Шантаж уголовно преследуется.

– Статья 163 УК РФ, знаю. Только чем я докажу свои слова?

– Других вариантов нет.

– Мне нужна только флешка.

– Она может быть, где угодно.

– Я кое-кого подозреваю, Дэн. Ты же помнишь, что я работала танцовщицей в клубе «Время»? Лысый не хотел меня отпускать. Его люди угрожали. Говорили, что свадьба не состоится и шутили про трусы и темные переулки.

– И ты не сказала?

– Такая была работа, девушкам все время кто-то угрожает или домогается. Они смотрят на красотку, раздвигающую ногу в шпагате возле пилона и мечтают пихнуть свой пилон в ее шпагат. Но Лысый... он же... это совсем другой мир. Никто не знает, как он выглядит. Кто он? Может, он кто-то из тех, кого мы считаем другом? Может, он был приглушен на помолвку.

– Не помню никого лысого на вечеринке.

После травмы головы, Дэн не вспомнил бы динозавра или пришельца, если бы они трусили среди гостей.

– Лысый позвонил за сутки до того, как пришла записка. Сначала ржал и предлагал вернуться к пилону. А потом: твоя свобода хранится в моем сейфе, девочка. Ты еще будешь стоять на коленях под моим столом.

– Сука! Яйца ему оторвать, уроду!

– Моя свобода, как иголка внутри его яйца, точнее сейфа. Там флешка. Я знаю! Клуб в долгах и ему пятьсот миллионов не повредят. Слушай, – заговорила она быстрее, – всему своя цена. Помоги добыть флешку, и я... заплачу.

– Собачий корм, бензин и пара раз в году откачка канализационной ямы. Вот и все мои траты.

– А что ты... ешь?

Дэн бросил в рот пару собачьих галет:

– Да тоже, что и все.

– Я заплачу информацией.

– Какой?

– Расскажу, кто умер на Тёмном мосту. Это... – сделала она подсечку профессиональной сплетницы (сказывался длительный стаж работы в женском коллективе) – не совсем на мосту случилось.

– Как не на мосту?

– Ты не знал даже этого?

– Мне никто не говорит. Судебные папки сгорели или их затопило при тушении, юристы, как горох разбегаются, блокируют мои телефонные номера! Откуда? Откуда ты знаешь, кто умер?!

– Была на похоронах. Когда все разошлись...

– Зачем?

– Мне... было приятно видеть кого-то, кому хуже, чем мне.

– Кристина, скажи... Сейчас скажи. Кого я убил?

– Нет. Это условие сделки. Ты мне флешку из сейфа Лысого, я тебе правду.

Он не понимал, были ли вообще реален их роман? Их скорая помолвка? Их любовный треугольник, в котором Денис

стал третьим углом, отбивая девушку своего брата. Дэн не знал, отбивал он ее, потому что влюбился или на зло Максиму. Лишь бы снова у него что-нибудь отобрать.

– Девочки шепнули, что Лысого завтра не будет. Клуб в твоём распоряжении.

– Я достану флешку, Крис. Пакуй чемоданы к своему герцогу и начищай корону.

– Апельсины! – вывалил высокий мужчина с круглым лицом, опоясанным баками с начавшейся сединой, горку оранжевых шариков.

Несколько фруктов упало на пол, закатились под койку Тёмы. Она только ноги приподняла, не мешая им улепётывать из властных отцовских рук.

– С ума сошел! Зевс! У нее аллергия! – собирала мама Тёмы оставшиеся на больничном столике апельсины обратно в авоську.

– Ей нужен витамин Цэ! Киви, апельсины, лимоны, – загибал пальцы Зевс, стоящий возле путаных жалюзи в палате дочери.

Он был готов до бесконечности перечислять фрукты, лишь бы не дать женщине в красном джинсовом сарафане и слова вставить.

– Грейпфрут, манго, черная смородина...

– Она станет красной. Начнет чесаться! – прыгала вокруг оппонента Марина, тыча в цвет своего платья. – Вот та-

кой она была в три года. Ты забыл? Конечно! – отмахнулась она, – вечно на фабрике торчал. Потом, всегда потом, – выронила апельсины Марина и отвернулась к окну, сдерживая слёзы.

Она не хотела расстраивать дочь. Пыталась проморгаться, растягивала губы в улыбке, помня, что читала – натянутая улыбка тоже снижает уровень стресса. Лживая улыбка обманывает мозг, и тот выплёскивает эндорфины.

– Папайя! – крикнул Зевс максимально звучно, обдавая бывшую супругу облаком вчерашнего перегара.

– Дочь в клинике, а ты за бутылку? – отбежала Марина от окна, сжимая авоську, чтобы ни один апельсин не остался у Тёмы.

– Что за крики? Доброе утро.

Когда Максим вошел в палату Пчёлкиной, он застал её раскачивающуюся на кровати с двумя прижатыми к ушам ладонями и пару бывших супругов, орущих друг на друга. Отец Тёмы загибал пальцы, облокотившись на мешанину изогнутых жалюзи больничного окна.

Не прошло и суток, как на этом самом подоконнике Максим целовался с Лоной.

Он скорее отвернулся, чтобы не краснеть так, словно бы диатез у него.

– Максим Вадимович, простите. Зевс бушует, – ринулась Марина к врачу. – Тёме нельзя витамин Цэ, у нее диатез!

– Мам...!

– Фрукты надо кушать, не фастфуд и газировку, от которой у дочери понос.

– Пап!..

Максим призывал обоих к спокойствию:

– Родители Пчёлкиной, успокойтесь. Система питания в больнице регламентированная. Не уверен, что кто-то накормит пациентов газировкой или папайей.

– Достали вы все...

– Артемида! – пробовала остановить её мать, но дочь увернулась от требовательного материнского захвата.

– Оставьте меня в покое!

Тёма вырвалась в коридор, ловко обойдя три кегли из отца, матери и раскрасневшегося Макса.

Она пробежала несколько коридоров, поднялась по лестнице и уставилась на запертый люк, что вёл на крышу. Как ей хотелось просто посидеть на свежем воздухе, посмотреть на город, вдохнуть ароматы неба с привкусами пыли, рябины и желудей.

Но открыть в психушке люк на крышу... такое себе решение.

– Я не сумасшедшая... – пробубнила Тёма, обхватывая себя за плечи и пятясь к лестничным перилам.

– Знаю, – ответил за спиной голос. – И ты не в психушке. Это диагностический центр. Психиатрическое отделение располагается в соседнем корпусе, – облокотился Максим о перилла возле неё.

Он сунул руку в карман и первым делом достал пластиковый пузырек без наклеек, бросая в рот пару белых кругляшей, после чего протянул Тёме медный ключ:

– Пойдем, подышим.

Обогнув Тёму, он поднялся по свисающей пожарной лестнице, вставил ключ и после пары оборотов люк распахнулся.

– Тебя не уволят?

– А тебе это важно?

– Нет, – согласилась Тёма, – мне наплевать, но Лонка расстроится.

Максим как раз давил локтем на люк. Как только прозвучало имя Лоны, люк грохнулся ему на голову, даруя блаженную радость секундного забвения.

– Ай... тяжелый. Залезешь? Или витамин Цэ прописать?

Тёма зажмурилась, вынырнув головой суриката из норки.

– Солнце... – оглядывалась она на рубероид крыши, залитый заплатками бликов внутри остатков луж.

Вскарабкавшись, Тёма оправила пижамные больничные брюки и закатала рукава футболки. Черными крыльями трепыхались кончики ее банданы на запястье, словно птичка с цепочкой на ножке, пытающаяся взмыть в облака.

Она смотрела в спину молодого врача, который, успев украсть у нее частичку Лоны. Как только у сестры начинался новый роман, Тёма отходила на второй план.

– Откуда ключ? – уселась она рядом, подтягивая колени высоко к груди и опуская подбородок сверху.

– Стащил у вахтера года два назад. Я курил в то время. Лазил сюда в ночные смены.

– Бросил?

– От курения кучу видов рака можно заработать, эмфизему, гипертонию еще импотенцию.

– Из-за последнего Лонка огорчилась бы сильнее, чем от твоего увольнения.

– Джентльмены не обсуждают своих леди.

– Тебе она нравится?

– Да.

– Вы спите?

– Нда..

– Женишься на ней?

Он облокотился о воздуховод прикрывая глаза. Его рука была опущена в карман белого халата. Тёма слышала, как в пластиковой банке шуршат о стенку белые кругляшки пилуль.

– Ты не знаешь?!

– Она... не выйдет за меня. И вообще... скоро бросит.

Тёма пыталась скрыть свой внутренний эгоистичный восторг.

– Какая жалость! – через чур бодро произнесла она, – ну и почему? Ты что? Придурок?

– Да, – быстро ответил он, поворачивая к ней лицо.

Глаза его покрывали тонкие красные прожилки. Губы сухие. Нос блестел. И что только Лонка в нем нашла?

– Рисуешься так? – закатила Тёма глаза. – Ты взрослый. Не сопливый одноклассник и не аниматор с водной горки. Лонка в тебя втюрилась. Но, – строга вытянула она указательный палец, – окажешься на самом деле придурком и я, – оглядывалась она, – сброшу тебя с крыши!

– Я вряд ли умру. Тут пять этажей, но... – дважды пнул он затылком воздуховод, – иногда жить хуже, чем не жить.

– И это говорит психотерапевт, работающий с суицидниками! Поняла! Это такой прием? Типа ты несчастлив, и я вопреки должна тебя переубеждать, чтобы спасти, а на самом деле речь идет обо мне?

– Ты спасаешь меня, Тёма. Ты и Лона – вы единственные, кто у меня есть.

– А семья?

– В пятнадцать ушел из дома. Отец художник. Он любил казино, быстрые деньги и молодых крупье. Они развелись дет двадцать назад. Теперь он живет в Венеции. Сводные брат и сестра надо мной все детство издевались и подставляли в своих аферах.

Не выдержав, Максим сунул руку в халат, закидывая в рот новое драже.

– Надеюсь, это ментоловые леденцы.

– Это Ганнонет, Тёма. Твое экспериментальное лекарство.

– Что? – подскочила она на ноги, расшатывая Макса за плечо. – Ты жрешь Говнодат! Он же из говна, с ума сошел?! Даже я его не принимаю, а я псих побольше твоего!

– Но эксперимент никто не отменял, Тёма. Ты не принимаешь, значит должен я. Если кто спросит, ври, что пьешь.

– Так! А ну, вставай! – заставляла она его встать на ноги. – Макс, что с тобой происходит?

– Разное... как и с тобой.

– Поклянись, что это не... тренинг и ты не ломаешь комедию?

– Клянусь, – кивнул он медленно, словно пьяный.

Тёма волновалась за него. Максим был отличным парнем. Добрым к ней и к Лоне. Все время позволял им видеться, если Тёма поступала ночью и часы посещения заканчивались.

– Ты говоришь про суицид, закидываешься экспериментальным лекарством. Это из-за флешки, да?

– Тёма...

– Лонка мне все рассказала! Ты дурачок, если думаешь, что сестры таким не делятся. Пятьсот миллионов и флешка. Что на ней? Ты совершенно голый, обмазанный кленовым сиропом и вываленный в перьях танцуешь партию Маленьких лебедей?

– Хуже...

– Больших леблядей?!

– Преступление! – выкрикнул он, – на флешке преступление! И его совершил я!!! Я во всем виноват!

Макс боролся с белой пластиковой крышкой пузырька, когда Тёма схватила его за руки:

– Стой! Прекрати! Ты не забудешь! Говнодат не стирает,

а восстанавливает память!

– Он экспериментальный... Полное говно! – не убирал руки Максим. – И эксперимент провалился.

– Что на флешке? Какое преступление?

– Надеюсь, – открылась белая крышка на пузырьке, и белые драже рухнули под ноги Макса, – ты никогда этого не узнаешь.

Глава пятая. Груша от яблони падает на участок соседа

– Тёмка, ты как? – бросилась на шею Даша, когда они встретились позже после выписки.

В сотый раз Даша не могла поверить, что подруга осмелилась забыть случившееся с ней «счастье». Даша пересказала весь день в Олешках по минутам, а эпичный момент знакомства с Дэном трижды:

– Когда ты грохнулась из кустов, опрокинула стол, разодрала колени, начала обесцвечиваться... Он поднял тебя на руки! – эмоционально пересказывала Даша, сопровождая монолог бурными жестами и пантомимами, – он нёс тебя до самой парковки. Ровно пятьсот пятьдесят шесть метров. Эпично перевернул лонгборты, бац! Бац! Сгрузил тебя, как девственницу на жертвенный алтарь! Хотя, почему как... – легонько пнула она подругу ступней под столиком кафе. – А потом убежал, когда с паркинга выезжал, чиркнул бочину сокрой, прикинь?

Дашка подняла с пола лонгборд подруги, рассматривая автограф Дэна.

– Вот ты везучая.

Она тыкала под нос телефоном с записью спины Дэна и

болтающимся обездвиженным телом. Тёма смотрела, как на повороте она задела кедом ветки березы, а на следующем Дэн подтянул её выше изрядно тряханув.

– У тебя же есть парень, Даш, – поглядывала Тёма за окна кафетерия на сереющее небо.

– Ага, Серёга! Он менеджер Дэна. Мы с ним коллаборируем и делимся инфой. Он его друг, но сам ничего не знает. Где прячется? Вот бы мне тот миллион от его матери любому, кто вычислит его адрес.

– Ты на него охотишься? Он же Пуля, а не Кролик.

Дождевые капли крались еле слышимой поступью охотящейся львицы, но в разуме Тёмы они врезались снарядами в пуленепробиваемое (к счастью) стекло кафешки.

– Дробь, Тёмка, запомни, он – Дэн Дробь! У него в багажнике дробовик.

– Это вообще законно иметь оружие?

– У Катринки из фан группы родич в полиции. Она выяснила, разрешение у него есть. Все законно.

Даша подлила им обеим чай, от которого пахло жасмином.

По окнам текли капли легкого летнего дождика. Тёме мерещились тысячи дождевых веснушек на фоне неба. Както раз Максим сказал: покажи мне свою контекстную рекламу, я и скажу, кто ты. На мобильник Тёмы частенько сыпалась реклама косметологических центров с программами лечения пигментации.

Телефон пискнул очередным всплывающим сообщением, и Тёма зачитала вслух:

– Накладные ресницы, клипсы для ногтей, стразы для губ, пирсинг для языка, переводные веснушки и тату... они что, серьезно? Все это продают?

– Ты не пользуешься даже блеском для губ, Тёмка. Конечно, продают! Я вот хочу сменить дреды и сделать афрокосячки.

– Круто... – продолжала пялиться Тёма в телефон.

– Эшэмэшку идешь? – шепелявила Даша с набитым ртом, – и не с рекламой, да?

Даша заказала второй чизкейк, к тому же угощала подруга в честь выписки из «дурки», а у Даши с деньгами всегда было туго.

– Психолог должен написать... – уклончиво ответила она, – собирался назначить время... Типа встреч.

Тёма растягивала черную бандану на запястье, когда телефон в руке брякнул.

– Психолог? – спросила Даша.

– Ага... – уставилась Тёма на экран, – пора ехать. Кстати, оставь мой борт себе. Для меня эта загогулина ничего не значит.

Наобнимавшись с Дашей, Тёма одолжила у нее зонтик и раскошелилась на такси. Дождь был не сильный, но Тёме становилось не по себе от вида безобидных луж. Казалось, наступит, и рухнет с тем же самым ощущением, с каким упала

в Олечках.

Пока возвращалась домой, позвонила Лона. В голосе ее звучали извиняющиеся нотки, и Тёма понимала, сейчас Лона попросит ее об услуге:

– Тём, у нас тренировка утром. Важная, крайняя перед соревнованием. Не могу пропустить! И Макса подставлять не могу. Это... должно произойти сегодня...

Тёма закатила глаза:

– Такое я уже слушала перед твоим горячим свиданием два года назад.

– Нет! Флешка! Я собиралась помочь ее выкрасть!

– Ясно, – рисовала Тёма грустный смайлик, водя пальцем по конденсату на стекле, – ты хочешь, чтобы флешку украли я?

– Я этого не хочу. Лезть к Лысому, еще и красть у него. Это вообще реально? Может, Макс... перетусил с психами и верит в чушь?

– Твой Макс хавал пилюли Говнодата с пола. Рассыпал их на крыше, а потом начал подбирать, проглатывая.

– Он врач и ему виднее.

– Знаешь, Лонка, я тебя подменю. На время. В клубе «Время».

– Обещаешь, что отдашь ее Максиму?

– Конечно, – перечеркнула Тёма грустную улыбку внутри круга, – впервые в жизни соврала она сестре.

Если на записи будет «притупление» посерьёзней, чем пе-

ребежать дорогу на красный, Тёма отдаст флешку. Полиции.

Закончив мыть посуду, Тёма наскоро поужинала картофельным пюре с комочками и подгоревшими котлетками, которые приготовил отец. Из зала слышался звук работающего телевизора. Транслировали футбольный матч.

После развода и переезда Лоны с мамой, в квартире стало непривычно тихо. Стараясь напомнить жильё звуками, Зевс никогда не выключал экран телевизора, часто засыпая перед ним в кресле.

В одиннадцать ночи, заглянув на кухню, он удивился, что дочь еще не легла. Решив не брать при ней вторую (пятую) порцию наливки, Зевс поторопился к кухонному шкафчику, перебирая приправы и специи.

– Я тут это... аскорбинку тебе купил. Витаминки. Как вы их любили с Лонкой в детстве...

Его руки остались на ручке шкафчика, а тело замерло в оцепенении. Если до этого он грузно и тяжело дышал, то сейчас его спина тряслась мелкой рябью.

– Пап, чего? – опустила Тёма руку ему на плечо, и тот вздрогнул, захлопывая шкафчик.

– Витаминики, Тёма... витаминки еще никому не навредили.

Видя, что отец вот-вот разрыдается, Тёма посмешила достать упаковку и проглотить похожую на мел аскорбинку.

Отодвинув хлебную доску с крошками, опустевший заварник и банку меда на липком блюде, Тёма дотянулась до руки отца, и замерев на секунду, прикоснулась к его пальцам.

– Пап, все хорошо. Мама с Лоной в порядке. И мы справимся.

– Я не справлюсь, дочь... я плохой отец...

– Ты отличный отец. Ты все для меня делаешь. Кстати, я не сказала, но ко мне придут сегодня?

Отец поднял красные глаза, отлепляя себя от столешницы.

– Даша?

– Нет. Максим Вадимович. У него новый метод лечения, и мне надо будет съездить с ним на групповые занятия.

– Ночью?

– Ну там же мандала и кундалини...

– Не нравятся мне слова-то эти... групповые занятия, манда и куни... что это вообще такое?

– Пап, кундалини – это эзотерическая энергия в позвоночнике человека. Чтобы поднять эту энергию вверх.

– Знаю я, что у мужиков вверх-то поднимается! И не только по позвоночнику!

– Он мой врач, а не мужчина.

– Но ты моя дочь.

– Мне восемнадцать!

– Этого мало для ночной манды-мандалы!

Тёма бы еще покидала карт из колоды, но в дверь раздался звонок. Убегая открывать, она обернулась к отцу, сжимая кулаки и выпалила главный козырь:

– Что б ты знал, Лона с Максимом встречаются и спят друг с другом по самый позвоночник!

– Артемида, добрый вечер, – вошел в прихожую Максим.

Днем ему пришло смс от Лоны, что вместо нее в клуб поедет сестра. И если он не придет за ней, она сбежит туда сама. Ничего не осталось, как приехать к Пчёлкиным. Он даже не принял ни одной пилюли с обеда, намылся и выбрился, вколол себе витаминный комплекс и накидался энергетиком.

– Заходи. Или нет, – оглянулась она на дверь кухни, – лучше подожди в машине.

– Зевс Глебович дома?

– Па-а-а-ап! Максим Вадимович пришел! Ты выйдешь?

В дверном проеме показался Зевс Глебович в обнимку с парой литровых бутылок, наполненных садовой грушевой настойкой. Новость о романе Лоны и Максима требовали и трех литров, но при госте нужно держать себя в руках.

– Вам накапать, дорогой? – спросил Зевс, – домашняя. Сам делал. Главное от груш хвостики не отрезать, верно Тёма? И с веток не срывать их, – крутил он бутылку, поворачивая на свет коридорной люстры, – плоды сами знают, когда им велено созреть. Сами от веток оторвутся, да перекачатся через забор к соседу. Ты это дерево рбстил-рбстил.

И навоз-то таскал, и оборачивал в зиму мешковиной, землю утаптывал, пропалывал... – неожиданно хлюпнул он носом, – чтобы ни одного сорняка... ни единой травинки...

– Пап, ну хватит, – потянула у него из рук Тёма бутылки. – Отдай их сюда.

– Они мои! – резко отвернулся Зевс, – мои, мои груши!

– Прости, Макс... ты иди... я скоро выйду!

– Одевайся, – снял Максим обувь, – я с ним поговорю.

Ну-с! Рассказывайте, – направился Максим к Зевсу, – какой рецепт у наливки? Пойдемте в зал.

– Ну, пойдем, мандалист. Поговорим. Стакан-то возьми.

– Я за рулем.

– Ну так кефира плесни. Когда один пьет, второй не жует! – расхохотался Зевс, начиная пересказ рецепта грушевой наливки с объяснения, в каком роднике воду следует набирать.

Захлопывая дверь в свою комнату, Тёма не сводила глаз с Максима и тот тоже не отводил взгляд. Он кивал словам ее отца, держал губы растянутыми в полуулыбке и не моргал. Его взгляд алых с прожилками глаз напоминал красную точку прицела.

Чего он хочет? Совершить «еще одно преступление»?

– Лонка, вот ты дура, что тасуешься с ним.

Отношение Тёмы к Максиму изменилось после обморока в Олежках. Он стал для нее черным зеркалом – тёмным,

рыхлым, покрытый баграми и наростами белых бубонов Говнодата.

Нет, ей непременно нужна эта флешка. Она должна узнать правду о том, чего он так боится.

Тёма торопливо дернула ящик стола, в котором завалась оставленная Лоной косметика. Пока наносила тушь, та уже трижды отпечатывалась на верхних веках. Тоналка забила в ямочки на щеках, а попытавшись выдернуть волосок в бровях, Тёма чуть не снесла яйцо.

Запахавшись выворачивать себя из платья, а после выворачивать наизнанку шкаф, меняя одни брюки на вторые с сочетаниями рубашек и топов, Тёма завалилась на грудь барахла. Она смотрела на последнюю оставшуюся в шкафу вещицу, нависающую над ней лезвием гильотины – купальник.

Спортивный купальник синего цвета с двумя толстыми желтыми полосами по бокам.

Пока Тёма смотрела на купальник, она чувствовала, как накатывает темнота, как потеет лоб, как звон в ушах стирает редкие ночные звуки улицы.

В голове раздались слова, похожие еле различимый шепот эха: «три раза налево, два направо...»

– Что за глюки?! Господи, что за фигня у меня в башке?!

Тёма нацепила черную джинсовую рубашку, что повисла почти до колен, перемотала талию ремнем. Получился стильный наряд, настоящее платье-рубашка.

– Пошли! – крикнула Тёма из прихожей, натягивая белые кроссовки на толстой подошве.

Она замотала шнурки вокруг щиколоток, схватила бейсболку, рюкзак, затянула потуже черную бандану на запястье. Взбивая волосы руками, заглянула в зеркало, слыша бурные прощания отца и Макса.

«Кефир внутри света...» – прошептал ее разум, – «кефир...»

– Прекрати! Что за бред?!

– То не бред, – шаркал тапками ее отец, – то наука! А знаешь, Артемида, этот твой мандалист меня разбудил... Тьфу ты! Убедил! Идите вы, куда вам надо.

– Класс. А ты спать, пап, иди.

– Вот они взрослые дочери, Максим, вот, что тебя ждет лет через двадцать. Смотри на меня и учись. Но, – погрозил он пальцем, – ты за нее отвечаешь головой. А не... головкой.

– Пап, уймись! Прошу! – вспыхнули щеки Тёмы, – не слушай его, Максим. Он перебрал с грушами. Слишком мало их к соседу укатилось.

Спускаясь в лифте, Тёма постукивала обгрызенными ногтями по коричневым панелям с кнопками, решая: сказать или нет?

– Макс.

– Да?

– Ты не врач сейчас? Ты типа друг?

– Не врач, нет. Но и не друг...

– А кто?

– Вот бы мне найти ответ, – отвернулся он.

– Слушай, – развернула она его, крутанув за плечо, – роль психа в твоём окружении уже занята. Мной.

– Ты не псих, – коснулся он ее черной банданы.

– Я отключаюсь посреди улицы. Бац! Обморок! И никто не знает почему... Почему, – заговорила она тише, – я вижу людей... которых не знаю? Места, где никогда не была? Слышу голос. Ну? Скажи еще, что это не шизофрения?

– Нет, этот диагноз не подтвердился.

– Тогда, что со мной, Макс? – ударила она кулаками сразу по всех кнопкам этажей.

Лифт дернулся и экстренно затормозил. Максим схватил Тёму за локти, помогая ей удержать равновесие. От этого касания разум Тёмы прострелило видение поцелуя. Ее сестра в его объятиях. Он прижимает ее к стене, обхватывает руками под бедрами. Огибая его торс ногами, Лона закрывает глаза, издавая блаженный стон.

Тёма чувствовала, как колотилось сердце сестры. Как замерла ее диафрагма, как подрагивают кончики пальцев, как от Максима пахнет сахарной ватой.

Отшатнувшись, она скорее разъединила их руки.

– Ты в порядке? Тёма, что? – опустил Максим голову, пытаясь заглянуть ей в глаза.

– Да так... – шмыгнула она, вытирая нос браслетом из банданы, – всегда такая после обмороков. Вижу и слышу то, чего нет...

Тёма вышла из подъезда. Справа от нее рыже-белый автомобиль моргнул серебристыми фарами.

Максим распахнул перед ней дверцу, сел за руль, завел двигатель, бросил мобильник с открытым приложением на приборную панель.

Тёма обильно выдохнула, раздувая щеки и выпучив глаза.
– Что тебя мучает? Говори. Обещаю, я пойму, что угодно. Говори, – повторила она, шутливо пригрозив, – или у Лонки спрошу.

– Она не знает. Я мучаю себя сам, – зажмурил он глаза. – Год назад... произошло всё это.

– «Всё это»? – изобразила она кавычки, – всё то, что записано на флешке?

– Ещё ты и Лона.

– Так, – скрестила Тёма руки, – хочешь сказать, что мы едем красть флешку, на которой записано преступление, в котором замешан ты, я и Лона?

Повернув к нему голову, Тёма увидела, как ногти Максима протыкают мягкую кожу руля, так сильно он впился ими в обруч.

Холодно прозвучал его голос:

– Ты должна уйти. Выходи из машины, возвращайся до-

мой, – не повернул он к ней голову. – Ни о чем не спрашивай. Прошу. Умоляю. Сейчас. Не перебивай. Не задавай вопросы.

– Обалдел? Ага сейчас?! Совсем рехнулся?! – только и перебивала его Тёма новыми вопросами.

– Мы никуда не едем. Никой кражи.

– Ты боишься, что меня Лысый «пристрелит» или что я увижу запись?

– Уходи! – взвыл Максим, – я нажрался таблеток и алкоголя, когда рассказал обо всем Лоне... я был не в себе!

– Ну да... ты был в Лоне...

– Тёма! – закрыл он ладонями лицо, – не надо! Прекрати меня мучать!

– Не истери! Уйду я, уйду. Только, до лифта проводи. Вон, пьяный шатается у подъезда.

– Прости... Забудь про флешку и все, что тебе Лона рассказала.

Тёма вышла из машины и поплелась к подъезду:

– Ага... – бубнила она под нос, и это «ага» звучало иронично-издевательски.

Они вошли в подъезд, приблизились к лифту. Створки кабины были распахнуты, и Тёма протянула Максиму руку:

– Мир? Не хочу расставаться в ссоре.

– Прости... ты обещала обо всем забыть.

– А еще психотерапевт... – сморщилась она, – плохо ты знаешь девушек подростков. Мы. Часто. Врём.

Тёма крутанула его за протянутую ладонь. На его еще дей-

ствовали таблетки. Рухнув на пол лифтовой кабины с головокружением, у Тёмы оказалась несколько лишних секунд, и она ударила сразу по всем кнопкам этажей. Бегом рванула на улицу, захлопывая дверь автомобиля. Телефон Макса остался здесь, значит каршеринговая машина не заглохнет.

Автомобиль неуклюже дернулся вперед, потом назад. Любуясь красными огоньками стоп-сигналов на перекрёстке выезда с территории домов, Максим кричал ей вслед:

– Ты не знаешь где клуб! Стой же ты!!! Сто-о-о-о-й! – орал он пока колодец жилого дома вторил ему эхом, – о-о-й....

Но Тёма знала, куда ей нужно ехать.

Как подсказал голос: три раза направо, два налево.

Глава шестая. Лет'

с

гоу в гоу-гоу

Дэн должен собирался найти ту официантку. Почему ее он запомнил, хотя бы смутно, а насильника своей невесты – нет?

Его глаза вспыхивали снова и снова, пока Дэн гнал на мотоцикле по ночным столичным улицам. Он был без шлема. Только очки на глазах, чтобы видеть трассу – серую полосу с изгибами, спусками и подъемами. Вот бы гнать так не оставиваясь, пока на пути не окажется еще один мост. Еще один полет – и столь желанная тьма.

Упав с моста, он провел под водой восемь минут.

Если девчонку, выпавшую из жасмина, увезла фиолетовая скорая... конечно! Как он сразу не догадался. Это же та самая психушка, которую спонсирует мать. Максим то ли зам, то ли зам-зам кого-то. Он назовет ему имя «официантки» и Дэн устроит ей допрос с пристрастием.

Припарковав мотоцикл носом к выезду, чтобы было удобно сбегать, Дэн набрал Максу.

– Алло? – испугано ответил он.

Дэн услышал в трубке, как тот тяжело дышит, и зажмурился. Такое же пыхтение он слышал, как только распахнул

дверь к саунам.

– Ты чего? На беговой?

– Чего тебе?

– Нужны данные про одну пациентку из клиники. Поделисься?

– «Поделисься»... – передразнил его Макс, – думал, что Кристиной я тоже с тобой поделился, когда ты ее увел?!

Дэн сбросил звонок:

– Сука.

Ничьей девушки Дэн не уводил. Он искренне вверил, что Кристина ушла от неудачника Максима по собственному желанию. Дэн красивее, успешней, моложе и богаче.

Был.

Сейчас, стоя перед витриной бутика, он видел спутанные волосы, потухший взгляд, недельная щетина, сбитые до мозолей руки от постоянного поддержания заброшки на уровне жизни.

Он даже не был уверен, что его пустят в элитный клуб, где обожала проводить время сестра. Уж она не откажет в протекции – «пустить бомжа погреться», и Дэн набрал номер Гели.

Лучший ВИП балкон в клубе Время всегда был забронирован для Ангелины Дробниковой. Даже днем, когда клуб закрывался, проход преграждал бархатный трос. В баре фужеры, из которых пила Ангелина, держали на отдельной пол-

ке, не подавая в них коктейли никому другому.

Ангелина приезжала в клуб чуть ли не каждую ночь. Ей нравился шум, толпы людей, танцующие девушки и парни, заводящие толпу, брызги шампанского... и воспоминания. Было время, когда они с братом стояли на балконе бок о бок, отбрасывая тень на головы свиты возле их ног. Фанатки Дениса, поклонники Ангелины – все они мечтали миновать фейсконтроль и оказаться в зале.

Откуда-то снизу на золотых отпрысков Дробниковых взирали и Максим с интерном Игорем.

Пока Максим подсчитывал в уме, какая газировка дешевле, Игорь не сводил взгляда с Ангелины. Она была его мечтой. Недостигаемым ангелом, худшим проклятием из всех, придуманных дьяволом – влюбиться в «несуществующую» в мире Игоря девушку.

– Врагу не пожелаю оказаться ее парнем, – заметил Макс, как Игорь пускает слюни, не в силах перестать смотреть на Гелю.

Забравшись на перила, она держала за руку Дениса и своего очередного безымянного поклонника, крутила бедрами, запрокидывала голову и фонтан белоснежный волос, что доставал ей до колен, обрушивался в жаждущему ее внимания танцполу.

Макс скривил губу:

– Доиграется. Выдернут из нее все патлы.

– Вот бы она сорвалась, – ментально простонал Игорь, –

упадет, а я ее реанимирую. Непрямой массаж сердца плюс искусственная вентиляция легких.

В переводе с маньячного это означало бы: обсосать ее губы и потискать грудь.

– Ты нормальный? – крутанул Максим барный стул, отворачивая Игоря от ВИП балкона. – Чтобы я этого больше не слышал.

– Просто фантазия... – поднял на него Игорь бегающие глазки. И если раньше, его зрочки пытались сбежать за границу век, сгорая от стыда, то сейчас он смотрел на своего научного руководителя в упор. – Чем моя фантазия хуже вашей?

– Опять ты, – разозлился Макс, залпом выпивая диетическую пепси по цене пятилитрового галлона. – Это не фантазия, Игорь. Все по-настоящему.

– Уверены? – вел себя аспирант все наглее, – ничего настоящего в вашем поступке нет. Сплошная ложь. Продолжите жить так дальше, закончите на одной из коек по соседству с вашими пациентами.

– Я ухожу, – забрал Макс пиджак, брошенный на угол бара, – ненавижу это место. И этих... – зыркнул он на Дробниковых, – ненавижу еще сильнее.

– Зачем приходите? Сколько бы вы не тарасились на танцовщиц, Кристины больше никогда здесь не будет. Теперь у вас новый объект... Но и она... уйдет, ваша драгоценная Лона.

Левый кулак Максима разрезало стекло от сдавленного им бокала, правый кулак разрезал воздух, впечатываясь в скулу интерна. Он понимал, очкарик-Игорь не переживет и тройки его смачных хуков. С пятнадцати лет, живя у бабушки в десяти остановках электрички от города, Макс научился себя защищать от хулиганов и воря, норовящих стащить его мобильник. Он не боялся драки, но ботаник Игорь вряд ли получал даже пощечину.

Единственный наклон головы Ангелины, и ее сводного брата вместе с интерном вышвырнули со ступенек в талый снег.

Тот разговор тире драка, произошел в апреле. Кажется, это был последний раз, когда в клубе видели звезду Дробникова – сводного брата среднего пошива Котова и никому неизвестного очкарика, на запоминание имен которых всегда и Время не тратили свое время.

Анна Дробникова восседала на высоченном кресле с белоснежной спинкой и с такой же ровной спиной, как стеклянные своды, заменившие стены в ее офисе. Чтобы не происходило, она следила за осанкой и не опускала голову ниже уровня горизонта. Глядя на себя в зеркало, ей казалось, что она проглотила крест, который держит ее плечи, голову, стан.

А казалось ли? Ее дети – ее крест. Все трое. И старший

Максим, отец которого решил навеститься сегодня к своей бывшей супруге.

По началу его звонки развлекали Анну. Ей было весело вспоминать их студенческое прошлое, свою первую любовь. Защитный рептилоидный мозг прятал от Анну воспоминания о ставках Вадима в онлайн казино, о том, как он продавал ее одежду и обувь в комиссионку, лишь ба наскрести немного денег, о том, как горбатилась на трех работах, и единственная тянула маленького сына.

Когда-то она влюбилась в художника с горящими глазами и широкими скулами, такими же как теперь у Максима. В его плечи, высокий рост, в его харизму и умение обаять, а потому она, не узнавая себя сидела в ожидании, волнуясь. Так ли она хороша, как двадцать лет назад? Не потух ли ее взгляд, в палитре которого остались только тёмные цвета?

– Анна, – вошел в офис, размером с школьный класс для физкультуры Вадим. Он смотрел на бесконечную россыпь звезд на потолке – единственный источник света в бесконечном пространстве. – Ты похитила галактику? Но, – плотно закрыл он за собой дверь, – мне нужна всего одна звезда во всей вселенной, и я не собьюсь с пути.

Приблизившись к рабочему столу, Вадим поставил перед бывшей подарочную коробку с алым бантом. Анна не шевельнулась, и Вадим сам потянул за ленты, доставая из коробки стеклянного кота, выпаленного из венецианского

стекла.

– Я заказал его специально для тебя. У него зеленые глаза, как твои, а когти выкрашены в серебряный.

– И при чем тут его когти? Боишься, что оцарапаю?

– Ты оцарапал мое сердце, Анна, двадцать пять лет назад. В ЗАГСе, поставив росчерк рядом с моей фамилией. А твой маникюр был серебряного цвета.

Анна поехала. Неужели он помнит цвет ее лака в день их свадьбы?

– Рада, что цвета ты хорошо запоминаешь. А людей похуже.

– И о ком я забыл?

– О своем ребёнке.

– Максим сам не сегодня завтра сделает себе ребёнка, а нам внучка.

Вадим перевел взгляд за спину Анну, рассматривая город: человечки размером с крошки, машины с напёрсток. Столько бетона и стекла. И его Анна, похожая на запертую в аквариум звездочку. Не на земле и не на небе.

Вадим вздохнул, прислоняясь к столешнице. Так он не видел глаз Анны. Прошло двадцать лет после их развода, но он не мог перестать вспоминать ее.

– Макс часто звонит мне, – сделал он жест от сердца, – долго говорит. Со мной или с автоответчиком. Иногда часами. Память заканчивает после одного его звонка.

– Часами? – удивилась Анна. Она не знала, что Макс и

Вадим так сблизилась. – Что хочет?

– Началось после... лета, – не стал он упоминать печальную помолвку, и все, что случилось потом. – Чего хочет наш сын, я так и не понял. Он говорит что-то про сахарную вату, про лягушек. Рассуждает о смертных грехах, покаянии. Задумывается, как производят гробы. Измеряют тело, или берут, что есть.

– Прекрати... – испугалась Анна. – Это не Макс.

– Я решил, он выпивать начал? Или на колеса подсел?

– Он не наркоман, что ты говоришь? Из всех моих детей, он добился больше остальных. Ангелине в клубах торчит. Денис... бомжует. Один Максим работает и живет достойно.

– Не спорю! Макс отличный парень. Но... что-то его гнетёт. И я хочу помочь, пока он... не утон в своем болоте с лягушками по самую голову.

Анна обошла Вадима и встала так, чтобы видеть его глаза:

– Почему Макс звонил тебе, а не мне? Ведь, ты далеко.

А я рядом.

– Уверена, – кивнул он на восемьдесят этажей под ними, – ты где угодно, но только не рядом.

Ее широкие брови сбились у переносицы. Как хорошо Вадим помнил этот ее пытливый взгляд.

– Не веришь? Вот, послушай.

Достав из кармана мобильник, Вадим ввел код прослушивания автоответчика.

– Пап, это я. Не ответишь? А знаешь, молчи. Не бери труб-

ку, иначе не смогу. Сказать.... Знаешь, где я? На мосту... на том самом. Здесь произошла авария. Здесь случилась точка невозврата. Или нет. Она случалась раньше. Я уверен, что она случилась раньше. Ни в сауне, пап. И я... придурок. Я идиот! – задрожал динамик от силы его крика. Анна отшатнулась, а Вадим вздохнул, – я должен быть там... на дне этого озера... Я!!!! Я!!!!!!! Кретин, придурок, идиот!!! Ты только не бери трубку, ладно... ни за что ее не бери... Сотри, сотри, все, что услышал... сотри эту запись... Ты слышишь, пап?! лягушки. В тот день они тоже квакали здесь... Почему я пришел сюда, пап? Для чего люди покупают сахарную вату? Лучше б, мы просто слушали здесь лягушек...

Вадим остановил запись.

– Дальше час про разновидности жаб. Ты знала, что лягушки могут дышать под водой и на суше? Они не различают цвета. Видят только черное и белое. Свет и тьму.

– Что с ним? – пропустила мимо ушей Анна лекцию о жабах, – что за сахарная вата и лягушки?

– Для этого я и прилетел. Побывать с Максимом. Узнать, как он. Сама знаешь, года назад... свет погас для нас всех.

– Вадим, – вздохнула она, перестав держать оборону, делая пару шагов ему навстречу, – я ведь хотела лучшего. Для Макса, Дениса и Ангелины. Дать то, чего у нас с тобой не было в детстве. Сытость во всем.

– Ты их перекормила. Дала столько шоколада, что он превратился в их кровь.

Как же она устала быть сильной. Как устала держать свою боль в себе. Ее второй муж, отец Дениса и Ангелины, когда-то был таким же сильным, как она. Вел бизнес на трех континентах. Когда двойняшкам было по шесть, он спросил: сегодня чей день рождения, Дениса? А у дочери когда?

А дальше – общение через ассистентов, частные школы, из которых Геля и Дэн вылетали, соревнуясь между собой на скорость, кто быстрее доведет ректоров, дорогие подарки и все тот же внутривенный шоколад через шприцы, свернутые из купюр.

– Тише, – приблизился к Анне Вадим и аккуратно ее обнял, – я с тобой. Все уладится. Мы поможем Максиму.

– Как?

– Моя забота. Для тебя я сделаю все.

– Вадим... я так несчастна, – прижалась она к его груди. – У меня было все, и ничего не осталось.

– Бизнес, власть и деньги все еще при тебе.

– Но нет мужа, нет детей, – уперлась она носом в его шею, – обними меня крепче.

– Сюда никто не войдет?

– Сотрудники ушли. Бывший с очередной консультанткой из бутика улетел, кажется, на Мальдивы...

– А мы улетим на Марс... – провел он рукой по ее локонам, выдергивая шпильки из аккуратного пучка.

– Вадим, – понимала она, что надо отстраниться, сделать два шага назад, а лучше отдалиться на двести световых лет

от кота, привыкшего гулять по крышам.

Котов жил свободно и расслабленно. Писал картины, экспериментировал в музыке, подрабатывал то барменом, то фотографом, пока она трудилась менеджером в турфирме, продавая поездки, о которых не могла и мечтать. А возвращаясь домой, бралась за учебу, которую пришлось бросить после рождения сына, оставляя время на вышивку по шерстяным изделиям. Позже Анна продавала связанные ею носки и варежки на сайтах, рекламирующий себя со слоганом вроде: «Сколько стоит ваш домашний хлам?»

Новогодний корпоратив дал Анне шанс изменить свою жизнь. Уйти от вечной экономии и выбора: купить ребенку карнавальный костюм зайчика, на которые мамы скидывались по полторы тысячи или склеить его самой их бумаги и ваты? Если не купить, над Максимкой будут посмеиваться, а если купить, то с учетом платы по долгам Вадима, просроченным кредитам и коммуналке, придется экономить на продуктах.

И Анна выбирала сына.

Она покупала ему карнавальный костюм, а себе штопала одни и те же колготки в трех местах, надевая их с юбкой подлиннее.

Сейчас одна пара ее колготок стоила, как самая дорогая плазма или навороченный ноутбук. И счёта им Анна не вела, ни колготкам, ни плазмам с ноутбуками.

Глава управляющей кампании Дробников пригласил ее на

танец во время новогоднего корпоратива. Она была немного пьяна, он был пьян в стельку. Положив руку сильно ниже ее талии, он сдвинул ладошкой ягодицу коллеги, но Анна не прекратила танец, наоборот, прижалась к нему сильнее.

Проведя пару недель на Мальдивах (разумеется, тур был от их компании) через пару месяцев Анна обрадовала начальника, что у нее – пара. Пара полосок на тесте и парочка детей под сердцем.

Дробников женился на Анне, но остепениться не смог. Он откупался от жены свободой, которую дают деньги. Чем денег больше, тем бесконечней свобода.

Строгость, которой не доставало детям, с лихвой выливалась на подчиненных. При ней не было мужа, но его фамилия значилась у нее в паспорте. Скоро крупные имена олигархов перекочевали в ее записную книжку. Она открывала торговые центры и строила жилые кварталы, асфальтировала магистрали и занималась реновациями школ и больниц в регионах.

Анна пыталась потратить ресурсы на хорошие, правильные дела.

Она закрыла кредиты и долги бывшего, выкупив через подставных людей все его картины за баснословные деньги. Ее конторы без оглашения имени собственника, предоставляли Котову заказы на участие в международных выставках и частные заказы.

– Она была его девушкой, Вадим...

– Кто?.. Чьей?.. – мог думать Вадим только об аромате кожи Анны с ноткой бергамота и цедры.

– Кристина. Она была девушкой Максима, пока Денис ее не увёл.

– А... Кристина.

– Она бросила Дениса. Пищали аппараты, поддерживающие жизнь. Инфузионные насосы, палатные мониторы. Груша качала в его легкие кислород. Вместо удара сердца...

Она подняла на Вадима глаза. Ее бедный художник, игроман, авантюрист... верующий в единорогов.

– Я слушала, как бьется сердце Дэна. Сердце... размером с кулак, – вытянула она свой, плотно сжатый. – Оно качает десять тонн крови в год и сокращается в день сто тысяч раз. За всю жизнь... примерно три миллиарда. Это ли не чудо?

– Чудо, что Денис очнулся. Зажили переломы, спал отек мозга. Он вернулся.

– Он не помнит, с кем она была... Вадим... как она могла? Я помогала выбрать кольцо. Дорогой зеленый бриллиант в десять карат. Я была счастлива, что Денис хочет жениться. Мечтала, что он бросит свой бесполезный экстрим. Начнет работать в кампании. А то и малыша бы родили с Кристиной...

– Родят еще, непременно родят, – улыбнулся он, и веселые морщинки ринулись павлиньими хвостами вниз по его скулам.

Когда-то она влюбилась в эту его улыбку. В умение видеть мир идеальным. В способность радоваться ливню, граду и грозе на дырявом плоту посреди океана.

«Хоть акул нет!» – сморозил бы он.

Улыбнувшись своим воспоминаниям, Анна подняла голову и первой поцеловала его. Редкие бумаги и канцелярские нефритовые подстаканники полетели на пол, когда Вадим опустил ее спиной на столешницу, забуриваясь пальцами под юбку, ощущая мурашки на ее бедрах, окутанных упряжью чулочного пояса. Сжав их кулаком, в котором помещалось его сердце, не на миг не прекратившее любить Анну, Вадим сорвал с нее белье.

Кошка из венецианского стекла рухнула на пол. Анна с Вадимом рухнули в центр запертой под потолком галактики, внутри которой потерялось время.

– Да где же это Время?! – рулила Тёма по улицам в поисках ночного клуба.

Она свернула именно так, как подсказало подсознание. Пришлось припарковать машину и осмотреться.

– Простите, – окрикнула она прохожего, – где тут клуб?

– Прямо, в арку идите, – ткнула девушка в проход, – три раза направо, два налево.

– Спа-си-бо... – выдохнула Тёма, не понимая, что с ней?

Раньше только обмороки и люди в видениях, которых она не знает. Теперь еще и голос с подсказками, пока она бодр-

ствуует.

– Ладно. Понятно, – листала Тёма телефон с смс от сестры.

Та вкратце пересказывала план похищения флэшки.

– Ага! Вот! – нашла она то, что искала.

Лона писала:

«Максим раздобыл шмотки, такие же у танцовщиц. Девушки легко перемещаются по клубу. Охрана их не останавливает. Среди служебных помещений есть розовая дверь, украшенная гирляндами. За ней офис Лысого. Вот там и надо искать флешку в розовом футляре»

– Не слишком ли много розового для Лысого?

Обойдя машину, Тёма распахнула багажник.

Внутри был всего один бумажный пакет. Заглянув внутрь, Тёма первым делом достала перцовый баллончик, размером с палец, черные туфли на высоких каблуках и прозрачной платформе, следом показались белые стринги в пайетках и юбка на запах длиной сантиметров двадцать. Вместо топа – лиф на длинных завязках, которыми пришлось бы обмотаться по обнаженной спине и животу. Зато с рукавами по самые пальцы.

– А что, обнаженные руки никого уже не возбуждают?

Оглядевшись по сторонам, Тёма забралась на заднее сидение. Ноги упирались в потолок машины, когда она приступила к натягиваю чулок. Поняв, что дело это безнадежное, подтверждением чему стала трижды увеличенные ром-

бы сетки на розовом капроне, Тёма отбросила попытки по-дружиться с чем-то розовым.

Водрузив себя на стрипы, Тёма впервые осознала, что есть туфли, на которых не принято ходить. В лучшем случае покачиваться и переступать.

– Словно мафиози зацементировали мои ступни в тазике с бетоном, – стояла Тёма на пешеходке, пробуя покачиваться в импровизированном танце туда-обратно.

Расстегнув ремешки, Тёма взяла по туфле в руку, поставила машину на сигнализацию и направилась в арку, за которой пряталось «Время».

Пара лысых бугаев в пиджаках проверяли желающих войти в клуб.

– Так, ну ладно, – выдохнула Тёма. – Я могу всё!

Порыскав глазами у босых ног, она подобрала бумажную салфетку, обворачивая ею перцовый баллончик.

– Простите... можно? Разрешите, – пробиралась она через людей, ожидавших позволения войти. – Привет! – кивнула она пиджакам, перекрывшим дверь.

– Новенькая? – уставились лысые не девушку в форме танцовщицы.

– Ага! Роксана! Привет! – пожала она им руки, неумело сдавливая плотно сжатые в замок кулаки. – Первый день! А тут... Упс! – начала трещать Тёма, – вот! – продемонстрировала ладошку с белым цилиндром, обернутым в салфетку перцовым баллончиком, – тампон! Раздобыла! Бегу обрат-

но!

– В следующий раз беги через служебный вход, Роксана, – посторонился смутившийся охранник.

Интересно, он хоть понимал, что размерам демонстрируемого Тёмой тампона позавидовали некоторые гаджеты из интим шопа?

Живя с отцом, Тёма усвоила – мужчины до ужаса боятся женских штук: слез, критических дней, или когда те что-то долго высчитывают в календаре с обеспокоенным выражением лица.

И пусть Тёма высчитывала сколько выходных предстоит отдыхать на майских, отец синел, зеленел и ретировался на все выходные порыбачить с дядей Ильей, оставляя Тёме, Лоне и их подругам квартиру на все выходные, бегло спрашивая в дверях: тебе в аптеке ничего не надо? Вот деньги! Сходи купи, все что надо..! А если не надо, все равно купи! И не стесняйся! Все ими пользуются.

– Очками? – подыгрывала Тёма, – клизмами? Пипетками?

Зевс вспоминал, как когда-то покупал упаковку пипеток своим пятилетним малышам, а потом раз – и восемнадцать. Раз – и парни у них. Раз – и они таскают в сумочках губную помаду, тампоны и презервативы.

– Уверен, эти резинки рядом с другими резинками продаются.

– Для волос?! Пап... у меня нет... отношений с мужчинами. Понимаешь?

– Нет, но ведь могут быть! Ты уж подготовься и книжки про анатомию почитай, или мне позвонить маме, чтобы она...

– Па-а-а-а-п, езжай! На рыбалку свою опоздаешь. Ты куда, кстати едешь?

– На мост. Тапочкин шуку вытащил с камышей. Вот такую! – рубанул он кистью себе по согнутому локтю и Тёме примерещилось, что она послал от зависти Тапочкина, – хороший участок. Берег ровный...

Отец уставился в потолок, перестав натягивать второй резиновый сапог.

– Пап? Ты чего?

– Да так, вспомнилось... Не жди рано, может, заночую в палатке.

– Ладно, – пожала она плечами. – Только второй обуй, Тапочкин, – протянула она ему сапог, когда отец уже вышел к лифту. – А что за мост? Где?

Он обернулся. Ссутулился сильнее и шагнул в лифт с таким выражением лица, словно наделся – пусть двери распахнуться в никуда. Пусть не будет внутри кабины.

– Тёмный, – произнес он, когда двери со скрипом начали закрываться, – Тёмный мост.

Тёма уже была готова шагнуть в кроличью нору клуба «Время», как ощутила прикосновение к плечу.

– Подожди...

– Эй, парень! – отодвинул его охранник, – сотрудниц не трогать!

– Она не... – начал Максим, но увидев лицо Тёмы, всей мимикой орущей на него «только попробуй сорвать мне операцию и я тебя убью!», выдавил лишь, – она не обута...

– Пустите его, джентльмены. Пусть купит мне шампанское.

Один из лысых подсказал:

– Кристалл заказывай, детка! Вы все от него таете!

Максим вздрогнул, но тут же быстро кивнул:

– Непременно.

– Роксана, – дёрнула она плечом.

Оказавшись в клубе, Тёма пыталась отделаться от Макса, заталкивая баллончик поглубже в лиф, но Макс не отставал:

– Тёма, что ты делаешь? Не лезь в это!

– Ты что, расчленишь шестерых девственниц на той записи?!

Обогнав её, Макс перегородил путь к бару, возле которого находились служебные помещения:

– Это флешка... причинит боль. Всем.

– А Лоне? – скрестила Тёма руки, – Лоне причинит?

Белый пузырек, пара пилюль, брошенных за щеку – так вел себя Максим, когда пахло жареным.

– Тебе пора лечиться от зависимости, Макс...

– Но... Это не лечится. Я зависим от Лоны! Я люблю её!.. Как ты не понимаешь... Конечно, не понимаешь... Пой-

дём! – грубо схватив ее за руку, Макс потянул Тёму обратно к выходу.

– Эй! – отпрыкивалась она, и их потасовку заметили.

Другие девушки, одетые так же, как Тёма, окружили их с Максом, и тому ничего не осталось, как поскорее ослабить хватку.

Одна из танцовщиц с синей копной волос его узнала:

– Ты Максим? Бывший Кристины. Знаешь, – схватила си-неволосая под руку Тёму, – оставь наших девочек в покое! Одни проблему от таких, как ты. Идем, родная, – потянула она Тёму за собой, – пора на сцену. А ты чего без обуви?

Оказавшись на платформе, Тёма вспоминал все азы художественной гимнастики, на которую они ходили с Лоной в начальной школе. Держась за поручень платформы, Тёма изобразила колесо с вытянутыми в шпагате ногами. Она продолжила вращаться, путаясь в копне распущенных волос, липших к ее влажному лбу и блеску на губах. Откидывая назад голову, Тёма поднималась из мостика на полу-пальцы и снова опускалась на перилу, спиной к танцующей толпе.

Гости клуба ушли в отрыв. Бесконечное броуновское движение: хаотичное, дикое, вырвавшееся из упряжей и сбруй, смоченное алкоголем, отбитое басами усилителей, вибрирующих на костях.

И только трое в этой толпе не двигались.

Трое, что находились в противоположных концах клуба, смотри на девушку без туфель, ушедшую в импровизирован-

ный танец, раз за разом срывающуюся телом к полу в элементах акробатики, раз за разом возрождающуюся вновь.

Максим смотрел от дверей, готовый что его вот-вот выведут.

Денис наблюдал от барной стойки, пытаясь не привлекать к себе внимание.

Был и третий наблюдатель – Кристина. Ее взгляд метался по углам бермудского треугольника: бывший парень, бывший жених, новенькая танцовщица. Когда-то на этих платформах выступала она. Когда ей в гримерку приносили тысячу роз каждый день. Когда-то она познакомилась здесь с Максимом... став его девушкой.

Под локонами парика-каре, лоб Кристины покрылся испариной. Ее время закончилось. Прошлым летом она уходила от девушек с высоко поднятой головой, помолвленная с сыном Строительной королевы. Ей больше не придется флиртовать с гостями, «выпрашивая» Кристалл.

Став девушкой Дробникова, Кристина принимала ванны с Кристаллом. Какой она испытывала кайф, выдергивая пробку со дна ванной, выливая в канализацию миллион рублей, потраченный на бутылки, в пузырьках которых она пролежала пару минут, сделав несколько селфи. Больше никогда не опустится она на дно. Магическим кристаллом, спасшим ее, оказался Денис Дробников.

Тот же клуб, те же декорации, тот же диско шар зажигает искры в душах гостей... только Денис и Кристина больше не

те. Зеркала их душ рухнули с неба, кто-то их подобрал, превратил в диско шар. Склеил из остатков подобие «счастья».

У времени нет задней передачи и нет стопарей. Не замирая и не пятясь, оно несется дальше. И то, как Максим с Денисом смотрели на помост, как они смотрели на танцовщицу со спутанными волосами, закидывающую ногу за спиной в вертикальном шпагате, кричало громче всех взятых динамиков – время ушло.

Время Кристины в прошлом.

Все осталось в прошлом после случившегося на помолвке. Произнося в уме «помолвка», Кристина через раз произносила «помойка». Ее прошлое превратилось в хлам, а сама она в выброшенную, сломанную вещь, и ничего не исправить.

Ничего.

– Эй, Дробь! Народ, смотрите, кто тут! Это же Денис Дробь!

Гости клуба приветствовали Дэна, предлагали ему выпить. Бармен уже налил десяток приветственных шотов для VIP гостя.

Дэн стоял, облокотившись о барную стойку. Мотоциклетными перчатками он сжимал солнцезащитные очки, когда краем глаза заметил гоу-гоу девушку, чьи каштановые волосы окутывали ее фигуру.

– Новенькая! Роксана, вроде! Так фейсконтрольщики ска-

зали.

– Давно здесь? – со всей силы Дэн щурил глаза, не давая бликам диско-шара, лазерным вспышкам, светомузыке вставать на пути его взгляда, упирающего в фигуру знакомой незнакомки.

Он не мог поверить своей удачи. Девушка из Олежек, та самая официантка с помолвки была здесь! Собственной персоной!

– Сегодня первый день, – ответил бармен, – раньше ее здесь не видел.

Денис разрывался дилеммой: украсть флешку, а потом поговорить с Роксаной? Или наоборот?

Танцпол за спиной взревел. Оказалось, что танцовщица без обуви исполнила невероятно красивые и сложные элементы, миксуя их с танцем. Она закидывала ноги в вертикальном шпагате на плечи других девушек, толкалась от них, падала на пол и силой мышц поднимала себя без упора на руки. Она вращалась циркулем с такой скоростью, что белое и черное сливалось в серое, отгалкивая от пайеток солнечные блики.

Дэн ждал пока она остановится. Тогда он сможет увидеть ее лицо и ее глаза. Все прожектора были направлены на нее. Последние биты, девушки окружают ее, гаснет музыка, ор толпы, блик света и полоска тьмы, когда, запыхавшаяся, она отбрасывает с лица растрепавшиеся пряди и смотрит прямо на него.

Дробь Дениса устремилась к девушке, но на полной скорости по танцпола его обходил максимальный Макс.

– А этому, что здесь нужно?

Продолжа следить за сводным братом, Денис понимал, что цель у них одна и та же – Роксана. Снова клуб, снова девушка из подтанцовки, да что за проклятье! Резко развернувшись от них, но не без удовольствия отметив, что и Роксана пытается слиться с толпой и сбежать от Макса, Денис решил, что флешка важнее.

Воровать Дэну приходилось и не раз. И речь не о материальной краже. С детства ему и сестре никто не привил чувства уважения к тем, кто рядом, ведь рядом была обслуга: гувернантки, водители, тренеры, репетиторы, коучи, повара.

Становясь старше, брат и сестра поняли: достать вещи – элементарная задачка, но что насчет обладания человеком. Геля принялась уводить парней у своих подружек, а Денис начал крутить романы восьми-дневки со всеми подряд девушками.

Особое адреналиновое наслаждение он получал, если изгибающееся и стонущее под ним тело еще вчера стонало под кем-то из знакомых. Он переспал с тремя женами преподав из универа, сделав провокационные видео и получив по всем предметам автоматом отличный балл на все годы обучения вперед.

От девиц не было отбоя, и каждая теперь наскучивала не

через восемь дней, а через восемь минут после секса, пока не появилась Кристина. Мешало одно единственное препятствие – Максим, и Дэн решил его Минимизировать.

Быстро осматривая кабинет, погруженный во мрак, Дэн обыскивал потаённые места: тумбочки, ящики, полки, мини бар. Луч фонарика скользил по разбросанным упаковкам от чипсов, лифчикам и предметов из интим шопа то помидорной, то огуречной формы, которые Дэн не собирался идентифицировать.

Перестав соблюдать аккуратность, он приступил к яростному обыску, как, вдруг, вспыхнули тысячи новогодних гирлянд, развешанных по стенам.

Обернувшись, Дэн готовился к рукопашной с Лысым, но на пороге стояла та самая танцовщица. Без обуви. Та самая девушка с лонгбордом из парка.

Роксана.

– Ты? Здесь? Это или двойная удача, или полный факап, – мимолетом подумал, что она мутит с Лысым.

Или зачем тогда пришла в его кабинет?

– Фаркоп? – не расслышала она, чувствуя, как музыка оглушила ее, застряв звоном в голове. – Здесь точно не фаркопы разбросаны, хотя похожи, – брезгливо перепрыгнула она через предмет точь-в-точь такой же формы, изгиба и с кругляшом на конце, как устройство для крепления прицепа к автомобилю.

Дэн усмехнулся:

– Ты не отходи далеко. Нам нужно серьезно поговорить,

Роксана.

Он наблюдал, как девушка совершенно его не замечая, начинает обыскивать те же ящики и полки, по которым только что шарил он сам.

– Ау! Роксана, ты меня слышишь?

– А?

– У тебя пробки в ушах?

– Нет, я думала ты по беспроводным наушникам с Роксаной болтаешь. Вот и не мешаю. Отойди-ка, – отодвинула она его в сторону, села на корточки, сбрасывая на пол бумаги, рассыпая канцелярию.

– Ты разве не Роксана?

– Неа...

– Но ты работаешь в клубе?

– Тоже нет.

Рука Дениса перехватила ее запястье. Пальцы попали на черную потасканную бандану. Спина Дениса тут же взмокла, сердце заколотилось, ему стало трудно дышать. Он испытывал паническую атаку, впервые осознавая, что это вообще такое.

Тёма отдернула руку.

– Кто ты? – смотрел он на нее сверху вниз, пока она оставалась на карточках. Чтобы посмотреть ей в глаза, он опустился. – Ты была на моей помолвке. Помнишь?

– Пффф! – выдавила Тёма, – что ты несешь? Я тебя вижу впервые в жизни! Погоди, – кое-что она все-таки помнила, – ты тот парень из телефона Даши. Типа, что-то там Пуля.

– Ты прикалываешься?

– Ладно, – поднялась Тёма на ноги, – вставай и уходи. Или молчи и не мешай мне! Пуля ты или нет, не важно. На твоей помолвке я не была. Поздравляю, кстати. Но я тут ворую кое-что, и ты мне мешаешь.

– Воруюшь у Лысого. Хоть знаешь, кто он.

– Никто не знает.

– Он убьёт тебя.

– А тебя, нет? – покосилась она.

– Может я хочу, чтобы меня грохнули. Правда, чуть попозже. Сначала выясню, кто ты, Мата Хари. Скажи хотя бы, что ты подрабатываешь официанткой?

Девушка плотно сжала губы, изображая на лице судорогу.

– Что опять нет?!

– Тише! – ринулась Тёма, прижимая пальцы к его губам. Те оказались сильно горячими и обветренными. – Шаги...

За дверью раздавался шум грузного передвижения нескольких тел и хохот. Люди врзались в коробки с алко-голем. Те дребезжали, подавая сигнал загнанным в розовый капкан кроликам – рядом охотники.

Ручка двери опустилась медленно. Потом быстрее. Раздался мужской голос, раздающийся словно бы из оцарапан-ный тигровыми когтями горла:

– Кто посмел? Отпирай! Открою, убью каждого!

– Сюда! – затащил Денис Тёму под рабочий стол Лысого. –

Не шевелись, и ни звука!

Сам он остался стоять напротив избиваемой по ту сторону двери.

Под столом в бликах новогодних гирлянд, Тёма рассмотрела небольшую металлическую створку сейфа, пригодного для хранения украшений.

Удар ноги (или трех сразу) и дверь раскололась пополам.

– Так, так, так! Дробников? Ты ли это? – назвал кто-то из ворвавшихся парня, что грабил кабинет до Тёмы. – Неожиданно встретить тебя здесь. Какими судьбами?

«Думай!» – велела себе Тёма, – «думай, как открыть сейф!»

От безысходности, она крутанула реле направо.

«Стоп» – раздалось эхо в голове, и Тёма остановила шайбу.

– Три раза в право, два налево... – повторила она подсказку, что пришла ей в голову на кануне и уже помогла найти дорогу к клубу. Так может и к сейфу подойдет!

Еще четыре вращения на право, на право, на лево, на лево, и лючок распахнулся. Почти сразу Тёма увидела розовый пластиковый чехол для хранения флешки. Ничего другого в сейфе не было.

Дэн пытался стоять так, чтобы Лысый и его бугаи не за-

метили под столом девчонку. Если повезет, она сбежит незамеченной.

– Ты не оборзел, Дробь? – слышала Тёма. – Ничего не попутал? Хотя ты и брат Ангелины, но ты вскрыл офис Лысого.

Денис знал бугая с красным ирокезом. Он был единственным, кто сохранил волосню при Лысом. Видимо, порядочно отличился. Единственное, что Денис знал об Ирокезе был факт, что тот, когда преподавал физику. И не где-то в средней школе, а в зарубежных универах Лиги плюща. Теперь вот плющил неудобных Лысому физической массой своего двухметрового тела.

Пока красноволосый решал судьбу бывшего VIP клиента клуба, один из его приспешников заметил Тёму.

– Эй! Зырьте, под столом!

Тёма и взвизгнуть не успела, как её выковыряли из убежища. Брыкаясь, она била ногами по каждому, кто попадался в поле зрения. Досталось и Дэну.

– Шо за randevу?! – лыбился Ирокез, – не можешь Кристину забыть? Так и тянет к гоу-гоущицам?

– Отпусти ты! – наконец-то ей удалось шибануть в колени мужлана.

– Пасть закрой! – рывкнул на нее Ирокез, поднимая с пола что-то жутко длинное, черное и кожаное. – Вот этим тебя что ли наказать?

– Подожди, – произнес Денис впервые хоть что-то.

Он смотрел на Роксану, или кто она там. Девушка тяжело

дышала, волосы спутались, щеки красные.

– Договоримся?

– Нам ничего не надо, Дробь. Лишь уважение, соблюдение закона и подчинение. Ты с этой девкой нарушил уже два первых. И если ты, – уперся он концом дилдо Тёме в плечо, – не подчинишься и не скажешь, какого хрена вы тут делали, эта милая полуметровая вещичка обеспечит колоноскопию до гланд.

– Мы... – запнулась Тёма, – мы собирались немного порезвиться, вот и всё. Просто... ну, мы такие... там в коридоре, – кивнула она на дверь, – начали врезаться во все стены и потом, бац! Кабэ-дон!

– Какой бидон? – не понял Ирокез.

– Кабэ. Дон. Это из аниме. «Кабэ» – стена, «дон» – звук. Парень прижимает девушку к стене, не оставляя ей пути к отступлению. Руками ударяет в стену, и получается: дон, дон!

– Я сейчас все дон-доны отрежу твоему Какбэ парню!

Стальная хватка обвилась вокруг запястья Тёмы. Она была готова встретить лицом японское «кабэ», но ее поймал Денис, в которого она и впечаталась. Сквозь мотоциклетную куртку, футболку, от которой пахло старой листвой и ржавчиной, она почувствовала бешенный стук его сердца.

– Показывай! – явно решил поразвлечься Ирокез, – если докажете, что любовники, отпущу на белом лимузине прямо в ЗАГС, – присвистнул он под смех соратников справа и

слева от него. – Налажаете, – развел он руками, – поучу сам эту девку своими дон-донами! – обвил он кистью свой пах.

Тёма скривила гримасу брезгливости.

А как доказывать, что они любовники?

Денис и Тёма стояли друг напротив друга, потупив взгляд.

Первой приблизилась она, чему Дэн удивился.

Опустив руки на плечи парня, Тёма приподнялась на цыпочках и прошептала ему в ухо:

– Под резинкой лифчика... перцовый баллончик... – и для достоверности поцеловала его аккуратно в висок.

Сразу после ее слов, руки Дэна лбвились на ее поясице. Он притянул Тёму к себе, касаясь губами её шеи. Ладони скользнули вниз, поднимая выше бедер клинья короткой юбки, сжали ягодицы.

– Грудь! – выкрикнула Тёма, не в силах терпеть щекотку на шее и жамканье своей попы, сказал же ему, что в сиськах баллончик, а не в заднице!

– О-о-о-о! Горячая! – наслаждался зрелищем Ирокез.

Цокнув той самой азбукой цоканья, которую Тёма, очевидно, должна была понять как: «я жамкаю твой зад для достоверности, никто не лезете сразу в сиськи, соблазняя!» Дэн положил руку на ключицы Тёмы и аккуратно начал опускаться ниже. От его ладони шел жар, а с поверхности кисти на Тёму паялился озлобленный грустный смайлик.

– А-а-а-а! Не могу! Хватит! – оттолкнула она парня и выхватив перцовый баллон, не думая и не размышляя, надави-

ла на затвор.

Вот только бы еще струя смотрела в это время на Ирокеза и его людей, а не прямо Тёме в глаза.

– А-а-а-а! – продолжила визжать Тёма, как только потеряла способность видеть, а еще и дышать.

Теперь она ориентировалась по одним только звукам, наполнивших офис. Удары, стоны, кто-то падает, что-то разбивается. Не получалось даже на крошечную щелку приоткрыть глаза и понять, что происходит.

А происходило следующее.

Отодвинув Роксану в угол (решил называть ее пока что так), Дэн выхватил у нее баллон и обдал перцовым облаком Ирокеза. После чего в ход пошли кулаки. Разбросанные по полу шары, цилиндры и овалы из интим шопа, теперь играли Дэну на руку. Ирокез и его люди начали спотыкаться и скользить по ним, теряя равновесие. У того, что был слева, Дэн отобрал кастет и драка трое на одного приняла более или менее уравновешенный в силах вариант.

– Убью! Суку! Найду обоих!

– Сюда! – подкинул Денис девушку на подоконник, – когда крикну «прыгай»...

Он не договорил. Она тут же спрыгнула с подоконника, падая коленями в траву и заваливаясь на бок.

– Я же сказал, когда крикну «прыгай», а не прыгай, значит прыгай!

– Но ты крикнул!

Она поднялась с газона со второй попытки, шагая с вытянутыми руками, измазанными землей на подкошенных зомби ногах.

Дэн схватил ее за руку и потащил за собой через подворотню к байку.

– Хватайся и держись.

– За что?

– Вот, чувствуешь, – опустил он ее кисть на сиденье байка. – Залезай!

Вскинув ногу (а растяжка у нее оказалась отличная) она съездила Дэну ступней в порванном чулке по челюсти второй раз за день. Впервые он проводил вечер с девушкой, избивающей его и отказавшейся целоваться с ним, а прикосновение... довели не до блаженства, а до истерики. Неужели, он так сильно растерял хватку за год, не переспав ни с одной девушкой.

Та, что сидела на байке верещала и брыкалась:

– Куда я попала?! Куда?! Я ничего вижу ничего...

– Это был не самый мой любимы зуб... – поводит он подбородком. – Дай-ка мне это, – потянул он за узел ее черной банданы, обмотанной словно браслет.

– Нет! – просвистела рука Тёмы над его головой, – не трогай! Никогда ее не трогай!

– Нужно перевязать глаза, – услышала она треск, как от порванной ткани. – На скорости щипать будет еще хуже.

– Отдал бы свой шлем! Рыцарь!

– Отличная идея. Только у меня нет защиты!

– Нет у него... Это тебя бы моему отцу в аптеку отправлять в отдел клизм и пипеток.

Тёма дернула головой, когда ей на глаза опустился кусок ткани, оторванный от его футболки. Концы он затянул не ее затылке.

– Не туго?

– Сойдет, – чувствовала она подбородком и кончиком носа его теплое дыхание.

Когда он говорил, вместо перца пахло ментолом, железом и кровью. И Тёма не могла решить, что из этих трех компонентов нравится ей больше.

Тёма взвизгнула, когда рев мотора его байка разорвал ночную тишину спального квартала. Ее качало то влево, то вправо и начинало тошнить.

– Держись!

Дэн вытянул руку назад и перекинул ладони Тёмы себе на торс.

– Двигайся вместе со мной. Чувствуешь ритм? – втопил он газ.

Теперь визг Тёмы надрывался громче моторного рёва.

– Почувствуй! – крикнул он, – ты же гоняешь на доске. Это тоже самое.

Дэн накренил байк, уходя (как подсчитала Тёма три раза вправо и два налево)

И она чувствовала даже больше, чем хотела: скрип его кожаной куртки, обнаженную грудь под порванными лоскутами футболки и тугой пресс. Пока она решала, что из этих мест менее интимное – грудь или живот, ее руки скользили по телу парня вверх и вниз.

– Плотнее держись! – подсказывал Дэн, – иначе тебя сдует!

В какой-то момент, табун мурашек рванул от ее прикосновений к его коже вверх до самой мочки уха.

Резко тормознув, Дэн поставил байк на переднее колесо, и Тёма навалилась ему на спину.

– Вот так плотно нужно быть друг к другу. Поняла?

Он чувствовал, как часто она дышит открытым ртом. С какой скоростью бьется ее сердце. И как тепло его спине. Он давно забыл ощущение, когда кто-то готов тебя прикрыть.

Но она... она принесла баллончик и даже почти справилась с ролью «любовницы». Почти, но не совсем. «Что ж», сжимал прижимал он ее ладонь еще плотнее к своей груди, «опыт – дело наживное».

Он мучался дилеммой – почему не может ее «допросить», как собирался. Узнать про тот вечер в коттедже, когда она крикнула ему:

– Это оно... начало всего. Это... начало Тёмного дня.

«Кто же ты...» – держал он руль одной рукой, пока второй сжимала ладони Тёмы у себя под грудью. На том самом ме-

сте, где у него когда-то было сердце.

Глава седьмая. Жар трех сотен морозилок

Байк вильнул, разворачиваясь на месте на сто восемьдесят, и замер. Сразу стало тихо. Сиденье качнулось, и Тёма поняла, что Дэн с него спрыгнул.

– Где мы? – спросила она. – Трамвай. Слышишь? Тут где-то недалеко трамвай?

– Пойдем.

– Куда?

– Промывать твои глаза. Для начала.

– А для продолжения? – сдвинула она плотнее концы лифа.

– На главное блюдо – разговор. Ты расскажешь всё, что знаешь про флешку, Кристину, и прошлое лето.

– Но я не уложусь и в два часа.

– Тогда уляжешься здесь на ночь.

– Размечтался! – пусть она не видела ничего кроме пятен и бликов, Тёма принципиально зашагала в другую от него сторону.

– Там мост, – предупредил Дэн, – Тёмный.

– Что... – замерла Тёма на месте, – откуда ты знаешь?

– Я расскажу... – раздался его голос совсем близко от нее.

Тёма подняла руки к повязке на глазах, но Дэн остановил его коротким, но требовательным касанием:

– Никто не знает, где я скрываюсь. Как тебя зовут, Роксана?

– Тёма.

– Нет, я Дэн. Ты головой не вниз не падала с платформы?

– Нет же, моё имя Тёма.

– Родители назвали тебя Артём? – еле сдерживал он смешок.

– Артемида! И кончай уже!

– Заканчивай... Ты же девушка, что за вульгарности?

– Ржать кончай. Ну... заканчивай! Меня назвали Артемида, а сестру Аполлония. Все зовут ее Лона.

– Лона и Тёма, – посмотрел Дэн в небо, – как Луна во Тьме, которая освещает путь.

Теперь остановилась Тёма, туже скрещивая их пальцы.

– Да... так и есть.

– Пригнись, решетка, – надавил он ей на макушку. – А теперь, держись.

– Опять? – озиралась она под повязкой, – а сейчас-то за что?

– За меня. Ты без обуви, а тут лес.

– Лес?

Тёма пробовала приспустить свою юбку, но Дэн ни разу не прикоснулся к ее филейной части (хотя... чего он там не лапал). Тёма помнила, как он нес ее по Олешкам, ударяя но-

гами то в куст, то в голубей на периллах. И сейчас все было так же. Ее голову он прикрыл рукой, а ступни ее врезались во что-то щекотное, от чего ее тело подергивало. Руки Тёмы скользнули по груди Дэна. Кожа его была мокрой, но это был не пот, и не дождь.

– Кровь... На тебе кровь? – вот откуда этот аромат вперемешку с ментолом.

– Не моя.

– Уверен?

– Я выхватил кастет у одного и пару раз им приложил.

– Пару сотен раз? – ёрзали ее руки по влажной груди Денниса.

– Значит, меня лапать тебе нормально? Может, я тоже не даю лапать свою грудь на первом свидании!

– У нас не свидание.

– А что тогда? Репетиция?

Он флиртовал с ней? Ведь собирался допросить, а не кокетничать. Но почему-то второе нравилось ему больше.

– Ты поаккуратней, – смотрел он, как Тёма балансирует на листе лопуха, когда он опустил ее с рук на ноги, – крапиву я не кошу. Отпугивает местных.

– Отпугивает от чего?

– От убежища. Почти пришли.

– Сама дойду, – отправилась она по прямой делая меленные аккуратные шаги, проверяя вытянутыми руками нет ли препятствий.

Тёма не врезалась ни в одну крапиву, потому что Дэн приминал их все на ее пути, опуская под ноги Тёма широкие листья папоротника.

– Стой, – подсказал он. – Как ты хочешь? Быстро или медленно?

У Тёмы вспотели ладошки.

– Я... хочу... – произносила она по слову в минуту, но боль в глазах решила за нее, – быстро.

– Понял.

И тут Тёма почувствовала, как у нее подкосились коленки. И не фигурально, а на самом деле. Дэн надавил своими, и Тёма присела. Дернув ее к себе, Тёма приземлилась на что плоское и холодное, похожее на огромный таз.

Сгребая в охапку, Дэн прижал ее сильнее и толкнулся ногами. Ледянка покатила вниз с холма по рассыпчатой земле. Тёма стиснула зубы, чтобы снова не визжать, только сильнее впиалась в куртку Дэна. Голова пошла кругом... не от того, что ледянка вращалась вокруг себя, не от того, что копну волос Тёмы швыряло то ей в лицо, то в лицо Дэна, не от последних безумных дней... ставший тёмными из-за нее, но и такими особенными, как только рядом оказывался Дробников.

Ледняка упала в пластиковые шарики, которыми обычно наполняют детские игровые. Подтянув Тёму за обе руки, он вытащил ее из бассейна.

– Ты аниматор? Живешь в комнате смеха?

Тёма услышала радостный скулеж собаки, приветствующей своего вернувшегося хозяина.

– Аниматор, – посмотрел он на татуировку грустного смайлика, – из комнаты страха. Держись за руку. Тут... стройка. Я отведу тебя на кухню.

– Лучше в ванную. Хочу умыться.

– Капсаицин из перцового баллончика водой не смывают. Хуже сделаешь.

– А чем тогда? – слышала она, как распахнулась дверца холодильника, и ее пятна из серых и черных окрасились ярким белым.

Щуря глаза, Тёма уперлась взглядом в Дробникова. Согнувшись, он стоял к ней спиной и держался за распахнутую дверцу огромного холодильника в два раза выше и шире Тёмы. Тёплый свет окутывал его тело, обнаженное теперь до джинс. Кожаную куртку и остатки футболки он бросил на кухонный стол.

Перестав чесать мягкие уши пса, Тёма пошла на ощупь, желая запихнуть облитую перцем голову в морозильник.

Невесомым касанием подушечки ее пальцев опустились на прохладную броню. Таким ей представлялось тело Дробникова – пуленепробиваемым корсетом, защищенным от дробы, причиняющей боль. Даже кастеты на кулаках бугаев, не смогли пробить его тело.

Стоило Тёме чуть задержать касание, как где-то в глубине брони начало зарождаться тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.